A 186/1052

УКЛОНЕНІЕ

ОТЪ

ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ.

По законамъ древне-римскимъ, французскимъ, германскимъ, шведскимъ, а также и русскимъ съ XVII вѣка.

Н. Бобровскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1886.

Н 86
1052

УКЛОНЕНІЕ

ОТЪ

ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ.

По законамъ древне-римскимъ, французскимъ, германскимъ, шведскимъ, а также и русскимъ съ XVII вѣка.

П. Бобровскаго.

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1886.

Печатано по распоряженію Предсѣдателя С.-Петербургскаго Юридическаго общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Качество войскъ въ западной Европѣ до устройства регулярныхъ войскъ . . . . . 1.

Оставленіе знамени. Дезертирство по военнымъ законамъ римлянъ и европейскихъ народовъ, до тридцатилѣтней войны . . . . . 9.

Законы Густава-Адольфа для поддержанія военнаго порядка и правосудія въ шведской регулярной арміи и наказанія за уклоненія отъ службы . . . . . 15.

Постановленія объ уклоненіи отъ службы, особенно о побѣгахъ и самовольныхъ отлучкахъ, развившіяся въ Европѣ съ половины XVII столѣтія подъ вліяніемъ Франціи. Развитіе позорныхъ жестокихъ наказаній за дезертирство въ Европѣ . . . . . 23.

Законы объ уклоненіяхъ отъ военной службы въ Россіи въ XVII и началѣ XVIII стол. по соборному уложенію, (1649 г.), новоуказнымъ статьямъ, уложенію Шереметева, (1702 г.), краткому артикулу (1706 г.) (Меньшикова), воинскому артикулу (1715 г.) и по указамъ Петра Великаго . . . . . 38.

Постановленія о побѣгахъ и самовольныхъ отлучкахъ военно-уголовнаго устава 1838 г. . . . . 68.

Духъ постановленій объ уклоненіи отъ военной службы дѣйствующаго воинскаго устава о наказаніяхъ 1868 г. . 71.

Благотворное вліяніе преобразованій Императора Александра II на бытъ русской арміи . . . . . 74.

УКЛОНЕНІЕ ОТЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

ПО ИНОСТРАННЫМЪ И РУССКИМЪ ЗАКОНАМЪ.

Исторія военнаго права составляетъ вѣрный путь къ познанію причинъ смягченія системы наказаній за воинскія преступленія въ Россіи. Въ началѣ настоящаго столѣтія, знаменитый нѣмецкій философъ Фейербахъ высказалъ, между прочимъ, что право вообще „есть продуктъ времени и связано съ предшествующими событіями неразрывною цѣпью причинъ и слѣдствій. Изъ права, дѣйствовавшаго прежде, выросло право современное, и это послѣднее существуетъ только потому, что старое, отживъ свой вѣкъ, родило новое. Въ глубинѣ прошлыхъ тысячелѣтій лежитъ зерно законодательства, которому мы теперь повинуемся“ [1]). Относясь съ подобающимъ уваженіемъ къ прошедшему и изслѣдуя военное законодательство въ связи съ соотвѣтственными явленіями въ исторіи народнаго быта, мы, согласно съ положеніями Іеринга и Савиньи, можемъ сознательно утверждать, что военное право и у насъ начинается желѣзнымъ періодомъ, тяжелою борьбою и работою человѣческаго разума, и что каждый періодъ исторіи русскаго войска, какъ и исторіи русскаго народа, есть продолженіе предшествующихъ временъ, каждый періодъ творитъ свой бытъ не произвольно, но при соучастіи всего прошедшаго.

---

[1]) *Муромцевъ* „Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи“, стр. 4. цит. 7. Feuerbach, Ueber Philosophie und Empiric etc. 1801 года стр. 42 и слѣд.

Самое воспріятіе иноземныхъ принциповъ въ нашемъ военно-уголовномъ законодательствѣ (чему начало положено было за долгое время до учрежденія регулярныхъ войскъ въ Россіи). составляетъ явленіе естественное, подчиненное тому общему мировому закону, подмѣченному еще Спенсеромъ, что „въ природѣ человѣческой существуетъ *внутреннее стремленіе* стать чѣмъ то высокимъ". Это обстоятельство вполнѣ объясняетъ подчиненіе одного общества вліянію идеаловъ и вообще всего міровоззрѣнія другихъ обществъ, что мы и видимъ въ сочиненіяхъ послѣдователей исторической школы. Исторія показываетъ, что европейскіе народы, въ эпоху возрожденія военнаго искуства, разработали основныя начала военнаго порядка и дисциплины по образцамъ римскихъ законовъ. Изъ оцѣнки же нашихъ военно - законодательныхъ памятниковъ и сличенія таковыхъ съ западно-европейскими съ начала XVII столѣтія, почти за сто лѣтъ до Петра, мы видимъ въ первыхъ присутствіе опредѣленій и нормъ, заимствованныхъ изъ образцовъ европейскихъ военныхъ законовъ, которые развивались одновременно съ громадными успѣхами военнаго искуства, особенно послѣ тридцатилѣтней войны, такъ дорого стоившей европейскимъ народамъ.

Вторженіе новыхъ понятій о военномъ устройствѣ, о матеріальномъ содержаніи войскъ, о ихъ нравственномъ воспитаніи, по образцамъ высшей цивилизаціи, прогресируясь въ теченіи двухъ столѣтій, должно было произвести, наконецъ, и у насъ реакцію, вызвавшую коренное преобразованіе въ военномъ устройствѣ московскаго государства, и создать другой порядокъ для болѣе удобнаго привитія новыхъ понятій о военномъ дѣлѣ, въ которомъ, въ концѣ XVII столѣтія, русскіе оказались назади даже турокъ, громившихъ могущественную св. Римскую имперію, сосѣднюю Польшу, и уже заносившихъ свои удары на обезсиленное внутренней неурядицей государство московское. Преобразованіе вооруженныхъ силъ, учрежденіе регулярныхъ войскъ и привитіе къ нимъ новыхъ, болѣе совершенныхъ, военныхъ законовъ и знаменуютъ великую эпоху Петра I въ русской исторіи.

Чтобы пояснить эти положенія въ журнальной статьѣ, мы избрали одинъ изъ наиболѣе крупныхъ и интересныхъ вопросовъ въ исторіи русскаго военно-уголовнаго законодательства, именно: „уклоненіе отъ долга военной службы“, чему соотвѣтствуетъ рядъ артикуловъ въ главахъ IX, X, XI и XII „Артикула Воинскаго“ и статьи дѣйствующаго нынѣ „Воинск. Уст. о наказ.“, разд. II, гл. III и IV и частью разд. III [1]).

Борьба съ преступленіями въ войскахъ національныхъ и наемныхъ, временно призываемыхъ къ оружію или же постоянныхъ, при передвиженіи ихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, при расположеніи ихъ лагеремъ или на квартирахъ у обывателей, съ XIV столѣтія была весьма трудною и составляла неблагодарную задачу для государей, полководцевъ и законодателей. Никакими строгостями не удавалось избавить жителей занятой войсками страны, не только непріятельской, но и собственной, отъ самоуправства, насилій и своеволія людей, считавшихъ мечъ, копье, аркебузъ, орудіями своего промысла, полагавшихъ, что страна и жители, ее населяющіе, принадлежитъ ихъ полководцу, ихъ полковнику, или ихъ капитану. *Фронспергеръ* и *Шаманъ* въ своихъ сборникахъ военныхъ артикуловъ и ордонансовъ XVI стол., законодательные памятники французовъ, нѣмцевъ, голландцевъ, датчанъ, шведовъ и, наконецъ, русскіе памятники даютъ лишь приблизительное понятіе о военно-административныхъ пріемахъ, а равно о военно-уголовныхъ законахъ, посредствомъ которыхъ государственная власть съ конца XIV стол. въ Европѣ стремилась утвердить *полицейскій порядокъ*, при различныхъ условіяхъ военнаго быта, съ цѣлью оградить права собственности, честь и самую жизнь людей, волею не волею входившихъ въ соприкосновеніе съ войсками, при передвиженіи ихъ, при расположеніи лагеремъ (или „обозомъ“ у

---

[1]) Болѣе полное развитіе этого вопроса читатель найдетъ въ недавно изданномъ трудѣ нашемъ объ „Арт. Воинск.“, вып. 2-й.

русскихъ, „таборомъ“ у чеховъ, венгровъ, поляковъ, „кошемъ“ у казаковъ).

Въ массѣ законодательныхъ памятниковъ необходимо разобраться исторіи военнаго права; нужно также установить связь между ними и дѣйствительными явленіями; наконецъ желательно указать на такіе памятники и органы полицейской власти и юстиціи, которые способствовали установленію внутренняго и внѣшняго служебнаго порядка и твердой дисциплины въ войскахъ. Эпоха возрожденія военнаго искуства тѣмъ и поучительна, что богата военно-юридическимъ матеріаломъ, изъ котораго юристы могутъ почерпать обширныя свѣдѣнія для науки военнаго права, для установленія принциповъ администраціи, вообще для обогащенія самой исторіи новыми фактами.

Возмутительные грабежи, насилія, разбои, были обычнымъ подвигомъ воюющихъ сторонъ во всѣхъ войскахъ въ Европѣ съ конца XIV столѣтія. Совершаемыя войсками безчинства и злодѣянія обнаруживаютъ лишь крайне бѣдный нравственный уровень общественной среды, послѣ паденія рыцарства и упадка папской власти. Висѣлицу, колесованіе, утопленіе и т. п. наказанія убійцамъ, ворамъ, грабителямъ и т. п. находимъ въ законахъ древней Саксоніи, Богеміи, Имперіи, Франціи. Подъ страхомъ колесованія и другихъ видовъ усиленной смертной казни нужно было охранять отъ воинскихъ людей разные сельско-хозяйственные учрежденія: мельницы, хлѣбъ на корню, пруды, пчельники и всякаго рода орудія, необходимыя для хозяйства. Даже въ XVI столѣтіи Каролина (P. H. G. O.) осуждаетъ на безпощадную казнь всѣхъ посягающихъ на достояніе ближняго, на его имущество [1]). „Самовольная отлучка“ изъ строя на походѣ, или изъ „табора“ (лагеря, обоза) въ древне-чешскомъ уставѣ XV стол. *Гаека фонъ-Годетина* (Hayck von Hodetin) наказывается смертью, какъ и въ римскихъ законахъ [2]).

---

[1]) Corp. jur. milit. novis, ч. I стр. 96.

[2]) Этотъ чешскій военный уставъ былъ лучшимъ въ Европѣ для того времени.

Присутствіе дурныхъ элементовъ въ войскахъ, особенно въ войскахъ наемныхъ въ Германіи, заставляло мирныхъ жителей, горожанъ и крестьянъ, принимать особыя мѣры предосторожности: имъ приходилось опасаться не только за свое имущество, но и за свою жизнь, за честь своихъ женъ и дочерей. Знаменитый собиратель древнихъ нѣмецкихъ, итальянскихъ и испанскихъ законовъ *Леонгардъ Фронспергеръ* говоритъ, между прочимъ, что въ нѣмецкихъ войскахъ въ XVI стол. находилось множество разнаго рода мошенниковъ, бездѣльниковъ, развратниковъ, игроковъ („Kistefeger, Wölff, Balger, Spitzbuben, Spieler etc.“), которые свое присутствіе въ лагерѣ, на походѣ, въ городахъ, селахъ, проявляли рядомъ преступленій и безчинствъ, неподдающихся описанію. „Если эти люди, съ злодѣйскими инстинктами, не погибали сами, если ихъ не уничтожали озлобленные жители, то ихъ приходилось вѣшать, топить, казнить мечомъ, изгонять изъ войскъ съ безчестьемъ („oder aber zu Schelm gemacht, und der Stab über sie gebrochen“). „Я самъ зналъ, говоритъ Фронспергеръ, многихъ бездѣльниковъ и негодяевъ даже изъ высшаго сословія, которые жизнь свою въ лагерѣ вели до такой степени не приличную, что я не въ состояніи описывать ихъ отвратительныхъ продѣлокъ“ [1]).

Тоже самое терпѣло въ XVI стол. и народонаселеніе Франціи отъ своихъ національныхъ легіоновъ и бандъ или же отъ наемныхъ нѣмецкихъ рейтаровъ и ланцкнехтовъ. Марши войскъ и постой на квартирахъ ратныхъ людей во Франціи оставляли глубокіе слѣды безчинствъ и насилій: ограбленныя деревни и даже города, потравленныя поля, обкраденые храмы, поруганные алтари, разрушенныя мельницы, обезчещенныя жены [2]). Читая французскіе военные ордоннансы XVI в., невольно приходишь въ ужасъ отъ суровыхъ военно-уголовныхъ законовъ, угрожавшихъ смертью солдату почти

---

[1]) Fronsperger „Caroli V, Kriegs-Rechte“, изд. 1574, стр. 157.

[2]) Chaman. «Les ordonanances militaires», Rouen. 1626.

за всѣ общія и воинскія преступленія. *Висѣлицей* или *колесованіемъ* наказывались солдаты, какъ тати и разбойники (larrons): за похищеніе скота, за воровство, соединенное съ насиліемъ, за оскорбленіе или нанесеніе раны хозяину или хозяйкѣ квартиры, за вымогательство чего либо у хозяевъ на постоѣ, за порчу и поломку вещей на постоѣ, за изнасилованіе женщины или дѣвицы, за ограбленіе маркитантовъ, лавокъ, купцовъ.—*Прогнаніемъ сквозь строй на копья* (sera passer par les picques), или *растрѣляніемъ* (harquebousier) наказывали солдатъ почти за всякое воинское преступленіе, за сопротивленіе или неповиновеніе, за самовольную отлучку изъ лагеря и т. п.—Найденныхъ въ лагерѣ публичныхъ женщинъ изгоняли плетью (par le fouet), въ обнаженномъ видѣ, а офицеровъ и солдатъ, имѣвшихъ при себѣ подобныхъ женщинъ, исключали изъ службы съ безчестіемъ. „Подставнымъ солдатамъ" (passevolats) и другимъ обманщикамъ обрѣзывали носъ и уши, и проч.

Довольно сказаннаго, чтобы имѣть понятіе о качествѣ войскъ до конца XVI столѣтія.

И въ обширныхъ владѣніяхъ императора св. римской имперіи и въ земляхъ подвластныхъ скипетру французскаго короля для управленія войсками не было недостатка въ учрежденіяхъ и лицахъ. Напротивъ мы встрѣчаемъ рядъ самыхъ разнообразныхъ должностей и учрежденій, нерѣдко такихъ, о существованіи которыхъ никому и въ голову теперь не придетъ, но съ полнымъ отсутствіемъ въ нихъ единства. Это отсутствіе единства или связи между различными должностями мѣшало соединяться разнообразнымъ войскамъ въ одно органическое цѣлое.

Въ пестрой, по своему составу, имперской арміи должность профосовъ, по существу полицейская, служила единственно связующимъ элементомъ между частями войскъ и главнокомандующимъ, хотя бы только для приведенія въ исполненіе воли главнокомандующаго. Каждый главный начальникъ войскъ имѣлъ своего особаго профоса и свою управу, свой *региментъ*. Кромѣ обширной, почти безконтрольной полицей-

ской власти, профосы были обвинительною властью (въ родѣ прокуроровъ) въ военныхъ судахъ.

Особа главнаго полеваго профоса почиталась неприкосновенною и нанесенное ему оскорбленіе влекло лишеніе жизни. Въ распоряженіи профосовъ находились: палачъ, палочный мастеръ (Stock-Mejster) и палочные слуги (Steckenknechte). Въ каждомъ полку (Regiment) или самостоятельной части въ вѣдѣніи профоса имѣлась особенная офиціальная должность „пристава публичныхъ женщинъ" (Hurrenweibels). Въ вѣдѣніи профосовъ находились арестованные и плѣнные, маркитанты, лавочники, торговцы, разные парни, прачки и т. п. Профосы имѣли право казнить солдатъ собственною властью за всякаго рода безпорядки и насилія безъ суда. Съ продуктовъ, поставляемыхъ на торговомъ рынкѣ, въ лагерѣ, профосы пользовались извѣстнымъ процентомъ; старшему профосу на походѣ, въ лагерѣ, на квартирахъ подчинялись провіантмейстеры и квартирмейстеры.

Почти такая же организація военно-полицейской власти въ XVI столѣтіи была и во французской арміи; и эта власть во Франціи усилилась, повидимому, еще болѣе чѣмъ въ Германіи. Главный, отрядные и полковые прево въ военное время и на театрѣ военныхъ дѣйствій пользовались большими полномочіями: они разрѣшали всякаго рода споры и несогласія солдатъ съ жителями, устанавливали таксы на продовольственные продукты, продаваемые маркитантами и купцами, могли наказывать лишеніемъ жизни солдатъ за грабежи и насилія, изгонять изъ войскъ публичныхъ женщинъ розгами, могли казнить смертью безъ суда всякаго солдата, найденнаго въ вагенбургѣ, но къ нему не принадлежащаго.

Но несмотря на жестокіе военные ордонансы и громадную полицейскую власть, предоставленную военнымъ прево, безпорядки, насилія и самоуправство военныхъ людей во Франціи во вторую половину XVI столѣтія, когда управленіе военными силами, послѣ смерти *Колиньи*, перешло къ Гизамъ, достигли небывалыхъ размѣровъ. Наемные ландскнехты и швейцарцы, нѣмецкіе и испанскіе рейтары и свои

національные банды, подъ предводительствомъ капитановъ, нерѣдко самозванныхъ, изощрялись въ грабежахъ и жестокостяхъ надъ жителями беззащитныхъ провинцій. Свои и наемные солдаты брали насильно подъ обозы лошадей, упряжъ, телѣги, а между тѣмъ ордоннансы грозили смертью всякому воину за захватъ у крестьянина лошади, запряженной въ плугъ (estant à la charrue)! Офицеры и солдаты брали безплатно у жителей всякаго рода кормъ, а между тѣмъ ордоннансы грозили смертью за вымогательство чего либо отъ хозяевъ на квартирѣ! Солдаты безнаказанно бродили по деревнямъ подъ предлогомъ фуражировки, а между тѣмъ въ ордоннансѣ за самовольную отлучку отъ своей части далѣе двухъ льё опредѣлялось наказаніе смертью! Квартермистры и фурьеры требовали у жителей деревень и у частныхъ лицъ деньги на содержаніе солдатъ своей роты, подъ тѣмъ предлогомъ, что таковыхъ не получено изъ королевской казны! „Мировымъ судьямъ" а не „военнымъ прево" приходилось нерѣдко исполнять приговоры суровыхъ военныхъ ордоннансовъ; за грабежи, насилія и другія злодѣянія мировые судьи могли наказывать лишеніемъ жизни солдатъ и даже жандармовъ, комплектуемыхъ дворянами и принадлежавшихъ къ наиболѣе почетному разряду французской кавалеріи. Офицеровъ и солдатъ, которые самовольно брали подъ свой багажъ лошадей, воловъ, муловъ, ословъ, гражданскія власти, созвавъ по набату жителей, могли преслѣдовать съ оружіемъ и отнимать силою все похищенное, а виновныхъ отдавать гражданскому судьѣ, для наказанія.

Все это даетъ намъ понятіе объ отсутствіи законнаго порядка въ государствѣ во время борьбы монархической власти съ французской аристократіею. Слабая правительственная власть во Франціи въ военныхъ ордоннансахъ 1584 и 1586 годовъ пыталась поднять значеніе военныхъ прево и изъять военныхъ лицъ, состоявшихъ на службѣ короля, изъ подсудности гражданскихъ судей. „Военные люди, не исключая слугъ и холоповъ (goujats), за всѣ преступленія и проступки (crimes ef delicts) на походѣ, на квартирахъ, въ лагерѣ, гар-

низонахъ, — предаются *военно-превотальному полицейскому суду,* приговоры котораго, по утвержденіи полковника (maistre decamp) или начальника пѣхоты (colonel de toute l'infanterie), они же, военные прево, приводятъ въ исполненіе". Подобный законъ, при неудовлетворительной системѣ снабженія войскъ жалованьемъ и кормомъ, и громадной, почти безконтрольной власти полковниковъ, неспособенъ былъ ввести порядокъ въ войскахъ. Военно-уголовные законы оставляли безъ наказанія начальниковъ, полковниковъ, капитановъ и коммисаровъ, т. е. тѣхъ должностныхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ собственно и сосредоточивались въ то время всѣ распоряженія къ удовлетворенію потребностей солдата на походѣ, въ лагерѣ (обозѣ) и на квартирахъ у обывателей.

Королевская казна тщетно растрачивалась на армію, и сами начальники, изъ корыстныхъ видовъ, оставляли безъ должнаго возмездія офицеровъ и солдатъ за вымогательство, насилія и разнаго рода злодѣянія, особенно на походѣ.

Съ войсками таскалось въ походѣ множество людей: маркитантовъ, торговцевъ, лавочниковъ, женщинъ, поваровъ, конюховъ или погонщиковъ, всякаго рода пачкуновъ и всякаго рода солдатскаго имущества, которое состояло большею частью изъ ненужнаго хлама. Поэтому обозы арміи того времени были чрезвычайно велики и служили большимъ затрудненіемъ для движущейся колонны войскъ. Римляне обозы свои называли „помѣхою" (impedimenta); но обозы нѣмецкихъ ландстехтовъ, большею частью женатыхъ, были не только помѣхою для исполненія военныхъ операцій, требующихъ таинственности и быстроты передвиженія, но источникомъ бѣдствій для жителей: чтобы поднять съ мѣста всѣ тяжести самой незначительной арміи, требовалось собрать въ окрестностяхъ множество подъемныхъ лошадей. Съ развитіемъ огнестрѣльнаго оружія, съ увеличеніемъ количества артиллерійскихъ орудій, громаднаго вѣса, съ усложеніемъ матеріальной части, еще болѣе увеличились обозы, еще замѣтнѣе стали возрастать затрудненія какъ для передвиженія арміи, такъ и расположенія ея лагеремъ или же на квартирахъ и еще

болѣе увеличились затрудненія по продовольствію войска на маршѣ и при расположеніи на квартирахъ у обывателей.

Хотя и существовали положенія сколько именно денегъ должно отпускать войскамъ на содержаніе (по расчету на 100 человѣкъ въ день, въ недѣлю, въ мѣсяцъ), но въ дѣйствительности такъ не дѣлалось. Въ такихъ затрудненіяхъ начальники испанскихъ войскъ, находясь въ Италіи, въ концѣ XVI ст. придумали расквартированіе войскъ съ продовольствіемъ войскъ отъ хозяевъ. Они устроили это дѣло такимъ образомъ: на одного офицера или солдата назначалось нѣсколько дворовъ: одинъ дворъ давалъ квартиру и кормъ, другой—деньги на жалованье и т. п. Подобная система содержанія отъ обывателей испанскимъ войскамъ очень понравилась, она была выгодною для начальниковъ и потому стала быстра распространяться по всей Европѣ. Расквартированіе съ продовольствіемъ войскъ отъ хозяевъ стали примѣнять и тогда, когда въ томъ не было никакой надобности. Но эта система, чрезвычайно выгодная для войскъ, становилась крайне тяжкою для жителей, и скоро сдѣлалась источникомъ насилій и самоуправства со стороны войскъ, которыя требовали отъ жителей занятой страны, кромѣ помѣщенія, безплатнаго корма для себя и лошадей своихъ.

Кому не извѣстно какъ распоряжались нѣмецкія войска въ Германіи въ 30-ти лѣтнюю войну и что должны были терпѣть жители отъ воюющихъ сторонъ. Страна, по которой двигались войска съ длиннымъ хвостомъ обозовъ и въ которой располагались пѣхотные солдаты и рейтары, обремененные присутствіемъ множества людей, ненужныхъ для боя, въ короткое время обращалась въ пустыню. Самовольныя отлучки и побѣги плодили страшныя преступленія, съ которыми безплодно боролась власть, прибѣгавшая къ крайне суровымъ, жестокимъ наказаніямъ, опредѣляемымъ частью по суду, частью органами военной полиціи или же самими начальниками.

Оставленіе знамени. Дезертирство.

Знамя почиталось священнымъ предметомъ у всѣхъ народовъ, во всѣ времена.

Знаменамъ въ древности воздавали священныя почести и клялись при нихъ на вѣрность предводителю, полководцу или государю. У древнихъ германцевъ знамя имѣло силу возстановленія чести воина, лишенной за какое-либо преступленіе. Честь „дезертира" была возстановлена отъ прикосновенія знамени; обрядъ возстановленія чести у рыцарей сопровождался, какъ увидитъ, большой церемоніею.

Потеря знамени всегда считалась величайшимъ безчестьемъ, а отнятіе его у непріятеля – славою. По римскимъ законамъ воины, потерявшіе знамя, подвергались лишенію жизни съ безчестіемъ: сперва ихъ наказывали плетью, а потомъ имъ отрубали голову. Въ знаменщики избирали заслуженнаго, мужественнаго и сильнаго воина, который могъ бы скоро ходить. Званіе знаменщика почиталось почетнѣйшимъ. Таковы были у германцевъ *фенрики* (отъ Fahne), у французовъ—*корнеты* (отъ cornet), у русскихъ—*прапорщики* (отъ прапора), у казаковъ—*хорунжіе* (отъ хоругви, корогвы). У малороссійскихъ казаковъ *полковой хорунжій* входилъ въ составъ полковой старшины и, слѣдовательно, избирался изъ заслуженныхъ казаковъ высшаго ранга. Хорунжими въ сотняхъ, носившими небольшіе значки, были сыновья полковыхъ старшинъ и другихъ чиновниковъ; они назывались *полковыми товарищами* и пользовались преимуществами офицерскаго званія. Въ Польшѣ званіе хорунжаго пользовалось особымъ почетомъ и значеніемъ. *Коронный хорунжій* принадлежалъ къ числу почетныхъ званій [1]).

По числу знаменъ считались и самыя части войскъ: у насъ, напримѣръ—стяги, прапоры, у нѣмцевъ— фенлейны или фаны, у французовъ — корнеты.

---

[1]) Въ Рѣчи Посполитой.

Въ нашихъ юридическихъ памятникахъ XVII ст. встрѣчается одинъ странный фактъ, который нельзя оставить безъ вниманія: въ царской грамотѣ 1655 г. воспрещалось, подъ угрозою жестокаго наказанія, называть знаменщиками лицъ, выбранныхъ изъ лучшихъ дворянъ для службы при знаменахъ: „А то въ городѣхъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и всякихъ чиновъ сотеннымъ людямъ велѣть сказать, чтобы они имъ (дворянамъ, добрымъ отеческимъ дѣтямъ, выбраннымъ во всякой сотнѣ по два и по три человѣка) то въ безчестье (?) и въ укоризну (?) не ставили и знаменщиками ихъ не называли. А кто будетъ называть знаменщиками, такимъ быть въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ безъ пощады“ (1 полн. собр. зак. II, № 905).

Самовольное оставленіе своей части, какъ неуваженіе къ своему знамени или измѣна ему, съ древнѣйшихъ временъ принадлежало къ числу наиболѣе постыдныхъ воинскихъ преступленій. Кто *самовольно* отлучался отъ своего знамени далѣе трубнаго звука, тотъ считался врагомъ, измѣнникомъ и подвергался казни. При взглядѣ на самовольную отлучку какъ на измѣну, не могло быть различія между побѣгомъ и самовольной отлучкою. Древніе египтяне, аѳиняне и греки подвергали бѣглыхъ постыднымъ наказаніямъ: обрѣзанію языка, лишенію почетныхъ должностей, одѣванію въ особый плащъ съ надписями на немъ преступленія, обритію головы. При встрѣчѣ съ бѣглецомъ каждый спартанецъ могъ его безнаказанно ударить и ни одна спартанская дѣвушка не могла выходить за мужъ за бѣглаго воина, какъ человѣка безчестнаго.

У древнихъ римлянъ побѣги относились къ числу *тяжкихъ* и *капитальныхъ* преступленій (graviora et capitalia). Бѣглые назывались *дезертирами* (desertores). Они сверхъ лишенія жизни, подвергались конфискаціи имущества, какъ и за другія важнѣйшія преступленія: измѣну, бунтъ, грабежъ, насиліе и т. п. Одинаковому наказанію съ дезертирами подвергались укрыватели. При поимкѣ, въ случаѣ вооруженнаго сопротивленія, дезертировъ убивали на мѣстѣ, безъ суда. Обыкновенно дезертировъ вѣшали, сожигали, или отрубали имъ

головы. Иногда дезертирамъ отрубали руки и ноги, что, по мнѣнію Авсидія Кассія (Ausidii Cassii), дѣйствительнѣе смерти для возбужденія въ остальныхъ страха и ужаса. Вообще съ дезертирами римляне обращались какъ съ рабами, а рабъ считался наравнѣ съ вьючнымъ животнымъ, какъ свидѣтельствовала надпись на ошейникѣ: „tene me quia fugi et revoce ad dominum" etc. (держи меня, такъ какъ я убѣжалъ, и возврати меня и проч.) [1]).

Впрочемъ наказаніе за дезертирство по римскимъ законамъ смягчалось въ зависимости отъ обстоятельствъ: послѣ прекращенія войны, съ наступленіемъ мира, для молодыхъ, новонабранныхъ воиновъ, при недостаточной платѣ за содержаніе, въ случаѣ жестокаго обращенія начальника.

Древніе германцы и франки дезертирами считали только тѣхъ, которые самовольно оставляли свое знамя въ военное время, и обыкновенно вѣшали ихъ на деревѣ, какъ измѣнниковъ, или же, случалось, имъ выкалывали глаза и обрѣзывали языкъ, или же обрѣзывали носъ и уши. Карлъ Бургундскій, будучи вообще милостивымъ къ солдатамъ и отличавшій ихъ за военныя заслуги, съ особенною строгостью преслѣдовалъ самовольныя отлучки или побѣги и воровство.

Переходъ отъ стараго къ новому устройству Европы сопровождался путаницею въ законахъ римскихъ, преданіяхъ и обычаяхъ народовъ, устроившихся на развалинахъ римской имперіи, правилахъ и обычаяхъ колебавшейся церкви и обычаяхъ рыцарей. Болѣе двухсотъ лѣтъ мѣнялись взгляды на устройство и способы управленія войсками.

Старые французскіе военные ордонансы для пѣхоты въ XVI стол. къ дезертирамъ продолжали относиться съ тою же жестокостью, съ какою къ нимъ относились римляне;

---

[1]) Corp. jur. milit изд Гермсдорфа, 1674 г., стр. 365, 622. Ericcius, Geschichte d. deutsch. Heeres, стр. 11. 12. Изученіемъ законовъ о дезертирахъ занимались многіе ученые, поименованные комментаторами Петромъ Папии и Гойеромъ въ замѣткахъ на старо-голландскій и бранденбургскій военные артикулы, особенно *Обрехтъ* (Obrecht, in disp. de discipl. milit. d. hes. 1057 utque ad 1094. См. еще сочиненіе Шассана (M. Schassan, Essai sur la symbolique du droit).

за самовольную отлучку и побѣгъ изъ банды или корнета они угрожали прогнаніемъ сквозь строй на копья, или аркебузированіемъ, или обрѣзаніемъ носа и ушей, какъ и подставнымъ (passevolants). Въ старыхъ нѣмецкихъ артикулахъ XVI стол., угрожалось наказаніемъ на тѣлѣ и смертью (повѣшеніемъ) *за самовольную отлучку* (безъ паспорта) отъ своего знамени, изъ фенлейна или роты, за *самовольный переходъ на службу* изъ одной роты въ другую, или изъ пѣхоты въ кавалерію и обратно, за *побѣгъ съ поля сраженія*, безъ оказанія должнаго сопротивленія, за *побѣгъ къ непріятелю*. Впрочемъ нѣмецкіе военные артикулы очень часто не устанавливали опредѣленной санкціи, предоставляя дѣло рѣшенію полковнику или капитану. Въ одномъ отношеніи они высказывались опредѣленно: *дезертира должно признавать безчестнымъ обманщикомъ, шельмою.*

Но при господствѣ наемниковъ, особенно когда въ средѣ ландскнехтовъ развилась деморализація, къ бѣглымъ и самовольно отлучившимся отъ знамени, къ уходившимъ изъ своей части безъ разрѣшенія капитана и вѣдѣнія коммисара, на практикѣ наименованіе шельмою сопровождалось самыми суровыми, самыми позорными наказаніями: висѣлицей, обрѣзаніемъ носа и ушей и клейменіемъ. Эти наказанія примѣнялись къ дезертирамъ въ Германіи съ конца XVI стол., по примѣру испанцевъ и французовъ, за которыми послѣдовали также и нидерландскіе штаты, что мы видимъ на голландскихъ военныхъ артикулахъ герцога Альбы. Нидерландскіе военные артикулы 1570 года наказывали съ необыкновенною строгостью наемныя войска за всѣ преступленія и, подобно французскимъ ордонансамъ, своей лаконической, строго опредѣленной санкціей, не оставляли мѣста для выбора наказанія судьѣ. „Кто на походѣ, когда войска наступаютъ противъ непріятеля, или отступаютъ отъ него, оставитъ фенлейнъ или корнетъ, тотъ подвергается лишенію жизни безъ пощады", т. е. безъ суда. „Кто самовольно перейдетъ изъ одной роты въ другую, или уйдетъ куда либо и оставитъ службу, не получивъ отъ своего капитана паспорта, тотъ подвергается

лишенію жизни". „Каждый обязанъ защищать свое знамя днемъ и ночью и не покидать его, пока оно не попадетъ въ вѣрныя руки" [1]).

Однако въ началѣ XVII стол. эти законы стали грозными только на бумагѣ. Капитаны злоупотребляли своею обширною властью: они плохо кормили своихъ наемныхъ солдатъ, дѣлали незаконные съ нихъ вычеты и сквозь пальцы смотрѣли на самовольныя отлучки. „Въ наши дни, говоритъ комментаторъ, эти преступленія наказываются не особенно строго, солдаты перебѣгаютъ изъ одной роты въ другую безъ всякаго стыда (и страха), и на столь вредное обстоятельство почти никто не обращаетъ надлежащаго вниманія. Но выигрываетъ ли отъ побѣговъ дисциплина или, наоборотъ, она проиграетъ, объ этомъ слѣдуетъ подумать тѣмъ, которые обязаны знать послѣдствія такихъ явленій въ войскахъ".

Замѣчательно, что морскіе голландскіе законы были несравненно снисходительнѣе сухопутныхъ, потому что во флотѣ служили природные голландцы, а не наемники.

Конница, въ которой служили исключительно дворяне, господа юнкера, съ своими слугами, подобно нашей помѣстной конницѣ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ съ своими крѣпостными, пользовалась вездѣ особыми преимуществами. Въ ней упорно сохранялись традиціи рыцарскіе. Къ преступленіямъ по уклоненію отъ службы нѣмецкое кавалерійское право Максимиліана II (1570 г.), говоря вообще, относилось несравненно снисходительнѣе, чѣмъ нѣмецкіе же артикулы для ландскнехтовъ и вообще для пѣхоты. Тоже различіе въ санкціяхъ для кавалеріи и пѣхоты замѣчаемъ и въ другихъ государствахъ. У нѣмцевъ (по кавалерійскому уставу) бѣглый объявлялся шельмою съ большимъ торжествомъ, при сборѣ всей части, черезъ герольда, при трубномъ звукѣ: имена всѣхъ бѣжавшихъ торжественно прибивались къ висѣлицѣ, а затѣмъ

---

[1]) Corp. jur. militi. изд. 1674 г., стр. 521, 630, 653.—Holland. Kr. Recht. art. 16, 21, 49.

обезчещенные воины или изгонялись вонъ изъ войска, или подвергались наказанію на тѣлѣ и смерти. Обезчещенный дезертиръ могъ однако впослѣдствіи получить прощеніе: преступникъ долженъ былъ ползти въ кругъ своей части на четверенькахъ, подобно животному, держа шапку въ зубахъ и отвернувъ назадъ голову, затѣмъ знаменщикъ осѣнялъ несчастнаго просителя троекратно знаменемъ во имя св. Троицы, императора и начальника, послѣ чего маіоръ бралъ изъ зубовъ воина шапку и выбрасывалъ ее вонъ изъ круга ратныхъ людей: честь была возстановлена!

Внушенія коментаторовъ о необходимости строгаго преслѣдованія дезертировъ, на которыхъ нужно смотрѣть какъ на клятвопреступниковъ и людей безчестныхъ, потому что подобные воины нарушаютъ присягу, данную знамени, въ такое именно время, когда въ нихъ болѣе всего нуждаются, и обманываютъ государя, который даетъ имъ опредѣленное жалованье, оставались мертвою буквою, пока не произведены были крупныя реформы въ управленіи, комплектованіи и содержаніи войскъ, не уничтожено было пагубное въ военномъ быту крупное различіе въ правахъ и преимуществахъ между пѣхотою, кавалеріею и артиллеріею.

Къ уравненію служебныхъ правъ безъ различенія родовъ войскъ стремились въ западной Европѣ: французскій король Генрихъ IV, шведскій король Густавъ-Адольфъ, датскій король Христіанъ V, бранденбургскій курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ Великій, а въ Россіи—Петръ Великій.

Чрезвычайно важныя перемѣны въ военномъ устройствѣ, начатыя съ начала XVII стол., продолжались болѣе столѣтія. Эти военныя реформы сопровождались обработкою военно-уголовнаго законодательства, объединеніемъ военно-полицейскаго надзора и военной юрисдикціи, установленіемъ одинаковыхъ служебныхъ правъ ратныхъ людей по отношенію къ новой монархіи, которая стремилась уничтожить рѣзкую разницу въ правахъ и преимуществахъ, существовавшую въ средніе вѣка между конницей, пѣхотой и артиллеріей. Стремленіе къ такому объединенію вполнѣ объясняется, съ одной

стороны, условіями новѣйшаго военнаго искуства, а съ другой—цѣлью учрежденія регулярныхъ войскъ, которыя постепенно вытѣсняли временныя или постоянныя ополченія—національныя или иноземныя.

Законы Густава-Адольфа для поддержанія военнаго полицейскаго порядка и правосудія въ шведской регулярной арміи и наказанія за уклоненія отъ службы.

До начала тридцатилѣтней войны въ западной Европѣ существовали двѣ главныя системы военнаго права—германская и французская: обѣ усилившія значеніе и власть военно-полицейскихъ должностей въ войскахъ; обѣ обильныя множествомъ военно-административныхъ должностей для поддержанія внутренняго порядка и дисциплины на походѣ, при расположеніи войскъ на квартирахъ и лагеряхъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій; обѣ богатые памятниками военнаго законодательства, которое стремилось внести законность въ отношеніяхъ между войсками и гражданами.

И не смотря на это внѣшнее сходство, между тою и другою системою существовала глубокая разница. Франція, благодаря своему королю Генриху IV, достигла въ началѣ XVII столѣтія нѣкотораго единства въ устройствѣ войскъ и связи въ управленіи. Напротивъ, Германія продолжала страдать отъ отсутствія и этого единства, и этой связи. Императоръ свящ. римской имперіи, при всемъ своемъ могуществѣ, не могъ подчинить своей волѣ князей, графовъ и бароновъ, не могъ сладить съ притязаніями рыцарей, пренебрегавшихъ пѣшею службою, и долженъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на произвольныя дѣйствія полковниковъ и капитановъ, какъ на агентовъ, поставлявшихъ имперіи, за извѣстную плату, полки и роты наемныхъ пѣхотныхъ солдатъ.

Во Франціи еще *Колиньи*, ранѣе Генриха IV, стремился установить отношенія войскъ къ народонаселенію на началахъ строгой справедливости, и съ этою цѣлью ввелъ суровыя военно-уголовныя наказанія въ постоянной національной ми-

лиціи; но онъ не могъ докончить начатаго дѣла, вслѣдствіе систематическаго упорства партіи, враждебной королевской власти.

Генрихъ IV былъ счастливѣе; принявъ престолъ Франціи въ качествѣ побѣдителя, этотъ король-полководецъ съумѣлъ силою своего ума и своей воли подчинить одному и тому же суровому военному закону, наравнѣ съ нижними чинами, и офицеровъ всей французской арміи, какъ пѣхоты, такъ и конницы, какъ національные, такъ и наемные полки, вербуемые въ Германіи (рейтары) и Швейцаріи (пѣхота). Привилегіи, которыми пользовались жандармы и вообще кавалеристы изъ природныхъ французовъ, были уничтожены, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось значеніе пѣхотной службы, которою пренебрегали французскіе дворяне, подобно нѣмецкимъ князьямъ и баронамъ. Выраженія военнаго ордонанса 1590 г. „Défend très expressement à toutes personnes de quelque nation, qualité et conditions que'lles soient", или „trés expressément defendu à tous soldats et gens de guerre, tant de cheval, que de pied", объявленное съ первыхъ дней послѣ принятія Генрихомъ IV французской короны, были крупнымъ нововведеніемъ въ текстѣ европейскихъ военныхъ законовъ.

Послѣ подчиненія всѣхъ военно-служащихъ, безъ различія чиновъ, однимъ и тѣмъ, для всѣхъ равно обязательнымъ, военно-уголовнымъ законамъ, прежде всего восторжествовала дисциплина, а съ нею долженъ былъ утвердиться и внутренній порядокъ въ войскахъ, должно было, наконецъ, водвориться спокойствіе въ странѣ, занимаемой войсками; а безъ такого условія не можетъ утвердиться регулярное войско въ государствѣ. Принципы Генриха IV, продиктованные протестантскимъ ученіемъ, вошли въ основаніе новѣйшаго военнаго права всей Европы въ томъ смыслѣ, что за нарушеніе законовъ и постановленій, исходящихъ отъ верховной власти, подвергаются *одинаковой отвѣтственности всѣ военные люди, безъ различія чиновъ, отъ генерала до рядоваго солдата, т. е. и начальника и подчиненные.* На этихъ то началахъ шведскій полководецъ и король *Густавъ-Адольфъ*, знаменитый

защитникъ протестантскаго ученія въ Германіи, построилъ свою систему военнаго права.

Замѣчательно, что во Франціи, по смерти Генриха IV, французское военно-уголовное законодательство въ значительной степени отклонилось отъ принциповъ этого полководца, успокоившаго Францію и давшаго толчекъ къ будущей славѣ французскаго оружія при Людовикѣ XIV. Послѣдній своими административными распоряженіями заглушилъ зачатки субъективной правомѣрности въ войскахъ, и развивъ военно-полицейскій режимъ, поддерживаемый доносами и кляузами, ввелъ въ военное судопроизводство инквизиціонную нетерпимость.

Шведская система военнаго права, какую мы знаемъ изъ военныхъ законовъ и учрежденій Густава-Адольфа (военнаго артикула, законовъ о военномъ судопроизводствѣ и военно-полицейскихъ постановленій), вполнѣ отвѣчаетъ условіямъ новѣйшаго военнаго искуства. Въ этихъ законахъ смѣло указанъ діагнозъ тѣхъ недуговъ, отъ которыхъ страдали средневѣковыя войска въ Европѣ и предложены радикальныя средства для ихъ исцѣленія.

Мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе вопроса, въ чемъ именно состояли военныя реформы-Густава Адольфа и разбирать его военно-уголовные законы по существу; замѣтимъ однако, что дѣйствію шведскаго военнаго артикула (Schwedisch. Kr. Artrick.—Brief), устава о генеральномъ и верхнемъ судѣ (General und Ober Gericht-Ordnung) и законовъ о должности военно-полицейскихъ органовъ (генералъ и полковыхъ гевальтигеровъ или профосовъ, генералъ и полковыхъ вагемейстеровъ и генералъ-руморменстера) подчинены были всѣ военно-служащіе, отъ старшаго начальника до рядоваго, по всѣмъ родамъ войскъ.

Тщательно изучивъ древне-римскіе и современные ему германскіе и французскіе военные законы, Густавъ-Адольфъ установилъ въ шведской арміи *единство въ управленіи, полноту и опредѣлительность въ военно-уголовныхъ законахъ, возвысилъ значеніе военной юстиціи и, обезпечивъ войска хорошимъ содержаніемъ, ввелъ строгій контроль.* Его военная

юстиція господствуетъ надъ военной полиціей, а не обратно, какъ было въ нѣмецкихъ и французскихъ войскахъ.

Управленіе шведской регулярной арміей, сосредоточиваясь въ лицѣ полководца — короля. раздѣляется на двѣ главныя функціи: *командную и административную*; представителемъ первой былъ *фельдмаршалъ*, представителемъ второй — *генералъ-аудиторъ*, его штатгалтеръ, первенствующее лицо въ главномъ штабѣ. Въ порядкѣ іерархическомъ подчиняются: фельдмаршалу—всѣ начальники и командиры до послѣдняго ефрейтора и рядоваго; генералъ-аудитору—всѣ военно-административные органы, т. е. чины *юстиціи* и *полиціи*. Власть генералъ-аудитора охватываетъ всѣ части войскъ и, опираясь на юстицію и полицію, стремится поддерживать постоянно общій порядокъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. (на походѣ, въ квартирномъ расположеніи, въ лагеряхъ. крѣпостяхъ), быстро пресѣкать безпорядки, развѣдывать объ обстоятельствахъ, подвергать виновныхъ задержанію, аресту, разрѣшать въ судебномъ порядкѣ иски и споры войскъ съ жителями, слѣдить за исполненіемъ приговоровъ. Должностныя лица, входящія въ составъ полиціи, пользуются извѣстною самостоятельною властью и неприкосновенностью, но они не имѣютъ права, подобно нѣмецкимъ профосамъ и французскимъ прево, самопроизвольною властью наказывать виновныхъ, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, указанныхъ въ законѣ. Дѣйствія этихъ чиновъ, въ кругу полицейскихъ обязанностей, подчиняются контролю командировъ частей, а равно контролю и сужденію высшаго органа правосудія. Генералъ-аудиторъ, не касаясь военныхъ операцій (таковыми завѣдывалъ начальникъ квартирмейстерской части въ арміи), обязанъ всегда и вездѣ наблюдать за общимъ порядкомъ въ арміи, при всякомъ положеніи войскъ: на квартирахъ, на маршѣ, въ лагеряхъ, въ гарнизонахъ, въ полѣ.

Благодаря соединенію многихъ условій: исправнаго содержанія войскъ, которыя умѣли довольствоваться малымъ, независимости контроля полицейскихъ органовъ. опиравшихся на юстицію, безъ ограниченія власти отдѣльныхъ

начальниковъ, усовершенствованія боеваго устройства войска, единства власти и крѣпкой связи частей арміи между собою и съ полководцемъ, Густаву-Адольфу, опиравшемуся на твердую юстицію и дѣятельную полицію, удалось достигнуть блестящаго порядка и небывалой дисциплины въ своей знаменитой компаніи въ 30-тилѣтнюю войну. Никогда жители Германіи не встрѣчали такой деликатности въ собственныхъ нѣмецкихъ войскахъ, какую оказывали шведы, располагавшіеся у нихъ на квартирахъ.

Тайну образцоваго порядка маршей Густава-Адольфа въ Германіи, отсутствіе побѣговъ и грабежей въ занятой странѣ, многіе объясняли „желѣзною“ дисциплиною, вслѣдствіе чрезвычайно суровыхъ наказаній. Но это грубое заблужденіе. Односторонній взглядъ на способъ управленія шведской арміи и бывшихъ съ нею нѣмецкихъ союзниковъ, многіе военные писатели поддерживаютъ и по настоящее время. Между тѣмъ вся сила образцовой дисциплины шведскихъ войскъ при Густавѣ-Адольфѣ состояла въ томъ, что въ шведскомъ военномъ правѣ осуществлены были такіе способы и пріемы для управленія арміей на походѣ, о которыхъ не имѣли надлежащаго понятія ни противники шведскаго полководца, ни его сторонники: и враги и друзья недостаточно оцѣнили духъ и внутреннее содержаніе его военно-уголовныхъ законовъ и особенно его законовъ о военномъ судѣ. Несравненно легче, повидимому, было подражать военному искуству и тактикѣ шведскаго полководца, чѣмъ его военнымъ законамъ. Можетъ быть европейское общество въ то время еще и не созрѣло для воспринятія шведскихъ военно-уголовныхъ законовъ. Оттого и германцы и французы, примѣняя военные законы Густава-Адольфа, измѣняли систему управленія войсками на свой ладъ и лишились возможности развить многія высокія начала шведскаго военнаго права и теперь достойныя подражанія. Это мы видимъ на военно-уголовныхъ и военно-административныхъ законахъ французскихъ, имперскихъ и особенно прусскихъ въ второй половинѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія.

Необходимо замѣтить, что Густавъ-Адольфъ увеличилъ значеніе пѣхоты и поднялъ солдата на такую высоту, на которую не съумѣли поднять ни его протестантскіе сторонники, ни его враги.

Въ шведскихъ законахъ, относящихся къ уклоненіямъ отъ службы вообще и отъ долга службы въ частности (гл. VIII „о маршѣ и походномъ строѣ", гл. XVI—„о квартирахъ и лагеряхъ", гл. IX—„о дезертирахъ" Feldflüchtigen), съ одной стороны выражена забота о соблюденіи строжайшаго внутренняго порядка, а съ другой—объ отвращеніи насилій, вымогательствъ и грабежей въ странѣ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Этими двумя условіями опредѣляется значеніе объективной стороны преступленія въ шведскомъ кодексѣ.

Артикулы грозятъ суровымъ наказаніемъ, когда преступленіе имѣетъ общеопасный характеръ: измѣну долга, явное неповиновеніе власти или сопротивленіе, намѣреніе посягнуть на личную неприкосновенность или права собственности жителей занятой страны и т. п. Наоборотъ, наказанія снисходительны, ограничиваются мѣрами дисциплинарными въ такихъ случаяхъ, когда нарушеніе не влечетъ дурныхъ послѣдствій для дисциплины, не переходитъ за предѣлы простаго нарушенія служебнаго порядка, не угрожаетъ правамъ собственности кого либо.

Въ соотвѣтствіе съ постановленіями артикуловъ, въ которыхъ воля законодателя выражена твердо и положительно, были военно-полицейскіе уставы, въ которыхъ данъ строго опредѣленный кругъ дѣятельности генералъ-гевальтгера, генералъ-вагентмейстера и руморменстера, съ подчиненными имъ лицами. Наконецъ, въ законахъ о верхнемъ и полковомъ судахъ, полководецъ предоставляетъ себѣ право смягчать приговоры.

Разсматривать военно-уголовные законы Густава-Адольфа, относящіеся къ уклоненіямъ отъ военной службы по существу, мы здѣсь не будемъ—это отвлекло бы насъ далеко за предѣлы настоящей статьи; замѣтитъ только, что этотъ величайшій полководецъ, которому равнаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ исто-

риковъ, не было въ Европѣ, установилъ опредѣленную классификацію наказаній за уклоненія отъ службы въ военное время и опредѣлилъ категоріи наказаній въ зависимости отъ степени причиняемаго вреда арміи или жителямъ занятой страны.

Субъектомъ преступленія могутъ быть не только нижніе чины, но и начальники.

Съ выступленіемъ въ походъ каждый долженъ находиться при своей части, при своемъ *знамени,* подъ опасеніемъ дисциплинарнаго наказанія (арестъ въ желѣзахъ). Ни одинъ здоровый солдатъ не долженъ самовольно отлучаться изъ своей части далѣе опредѣленнаго разстоянія на походѣ, въ лагерѣ или гарнизонѣ; кто же самовольно отлучится отъ своей части и отстанетъ отъ нея далѣе одной мили, тотъ подвергается лишенію жизни; точно также наказывается лишеніемъ жизни и тотъ, кто, отсутствуя отъ своей части самовольно, произведетъ буйство соединенное съ насиліемъ, равно попуститель (начальникъ) или подстрекатель къ подобнаго рода отлучкѣ. Когда всадникъ или пѣхотный солдатъ, находясь въ лагерѣ или городѣ, самовольно выйдетъ оттуда или войдетъ туда, помимо обыкновенныхъ воротъ, то подвергается наказанію на тѣлѣ и смертью. Это едва ли не единственный случай въ кодексѣ примѣненія усиленной смертной казни.

Густавъ-Адольфъ, избѣгавшій вообще позорныхъ наказаній, сохранилъ *повышеніе* и *шельмованіе* для дезертировъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по образцу римскаго „poenae universalis“, онъ установилъ *децимацію* за побѣгъ цѣлой части съ поля сраженія, если она не окажетъ должнаго сопротивленія, т. е. обратится въ бѣгство, не употребивъ въ дѣло холоднаго оружія (собственно „боковаго оружія“ Seitengewehr). Если, по разсмотрѣнію верхняго суда, виновнымъ въ бѣгствѣ части окажется начальникъ, то онъ объявляется безчестнымъ и изгоняется изъ войска. Солдаты же, оказавшіеся по суду невиновными, освобождаются отъ всякой отвѣтственности. Часть, бѣжавшая съ поля сраженія, лишается знамени, люди располагаются за предѣлами лагернаго расположенія и должны чистить лагери,

пока не возстановятъ потерянной чести многими дѣлами. За бѣгство передъ непріятелемъ опредѣлялось лишеніе жизни безъ суда „unangeklagt“ (по распоряженію генералъ-гевальтигера); когда же бѣглецъ не будетъ пойманъ, то публично объявляется безчестнымъ и лишается покровительства законовъ (Vogelfrey). Нанесеніе раны бѣглому и даже убійство его не вмѣняется въ вину [1]).

Прусскій военный юристъ Фрицціусъ полагаетъ, что децимація никогда не была примѣняема въ шведской арміи при Густавѣ-Адольфѣ. Но случаи примѣненія ея мы находимъ у имперцевъ въ тридцатилѣтнюю войну. А именно по поводу бѣгства нѣмецкихъ кавалерійскихъ полковъ въ сраженіи при Вальштадтѣ и Брейтенбахерѣ противъ шведовъ, вслѣдствіе чего имперцы потерпѣли совершенное пораженіе. Бѣжавшіе кавалеристы признаны безчестными, клятвопреступниками и злодѣями; рядовые, унтеръ-офицеры, вахмистры, а равно корнеты, бывшіе со штандартами, казнены—десятый по жребію — повѣшеніемъ на деревьяхъ по дорогѣ, послѣ преломленія надъ каждымъ сабли палачомъ; всѣ ротмистры и поручики казнены мечомъ; подполковники и оберъ-вахмейстеры взяты подъ стражу, до рѣшенія дѣла въ военномъ судѣ о степени ихъ виновности; остальнымъ воспрещено вступать въ ряды имперскихъ войскъ; штандарты, запятнанные безчестіемъ, публично разломаны и разбиты, чтобы даже самое имя полковъ навсегда изчезло въ потомствѣ [2]).

Съ того времени наказаніе децимаціи вошло и въ имперскіе законы, которые во всѣхъ другихъ отношеніяхъ не слѣдовали редакціи и духу шведскаго военно-уголовнаго устава; во второй половинѣ XVII, какъ сейчасъ увидимъ, относительно наказаній за уклоненія отъ службы, они послѣдовали за ордонансами Людовика XIV, опредѣлявшими позорныя и самыя безчестныя наказанія за побѣги и не только въ

---

[1]) Гл. VIII, XVI и IX шведск. воин. артик. Corp. jur. milit. изд. 1674. König. Mayest. zu Schweden Kr. Art. Br.

[2]) Corp. jur. milit. изд. 1674, стр. 357—359. Тоже въ Corp. jur. mil. nov. ч. 1.

военное время (каковыя преступленія собственно предусматриваетъ кодексъ Густава-Адольфа), но и въ мирное время, изъ гарнизона или изъ квартирнаго расположенія войскъ.

Постановленія объ уклоненіи отъ службы, особенно о побѣгахъ, развившіяся въ Европѣ, съ половины XVII столѣтія, подъ вліяніемъ Франціи.

Послѣ тридцатилѣтней войны въ монархической Европѣ выдвинулось значеніе центральныхъ военныхъ учрежденій съ объединеніемъ управленія вооруженными силами государства: въ имперіи—гофъ-кригсъ-рата, во Франціи—военнаго секретаріата, въ Швеціи, Даніи и Саксоніи—военной коллегіи, въ Бранденбургѣ—кригс-коммисаріата, образовавшаго впослѣдствіи, въ 1722 г., черезъ сліяніе съ финансовой и имущественной директоріей, особое высшее военно-финансовое установленіе. Успѣхи французской военной администраціи и замѣтныя улучшенія въ финансахъ Франціи, при централизаціи управленія, сильно повліяли на уравненіе въ распредѣленіи повинностей земства, назначаемыхъ на содержаніе войска; эти повинности составляли одну изъ важнѣйшихъ финансовыхъ отраслей и болѣе уравнительное ихъ распредѣленіе имѣло большое вліяніе на народное богатство. Благодаря улучшенію финансовъ, во Франціи установился лучшій порядокъ въ снабженіи войскъ жалованьемъ и предметами довольствія въ натурѣ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время: все это опредѣлялось въ штатахъ и табеляхъ. Съ конца XVII столѣтія, по примѣру Франціи, выдвинулось значеніе военныхъ коммисаровъ; въ рукахъ главнаго коммисаріата (во Франціи) или генералъ-кригсъ-коммисаріата (въ имперіи, въ Даніи, въ Бранденбургѣ) находилось высшее управленіе хозяйствомъ войскъ. Должности высшихъ коммисаровъ во Франціи предоставлялись военнымъ чинамъ изъ высшей аристократіи; но эти мѣста покупались за большія суммы; прочія должности по коммисаріату предоставлялись строевымъ офицерамъ, носившимъ военную форму; коммисары были

„подъ особливою протекціею и защитою“ верховной власти; сопротивленіе распоряженіямъ коммисаріата и его членовъ почиталось оскорбленіемъ величества и наказывалось на тѣлѣ и даже смертью.

Въ Пруссіи въ вѣдѣніи „генералъ-кригсъ-коммисаріата“ находилась и военная юстиція, представитель которой — генералъ аудиторъ—пользовался громаднымъ значеніемъ и былъ начальникомъ тайной канцеляріи.

Верховная власть, стремясь къ улучшенію системы продовольствія войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и къ поддержанію въ войскахъ строгой дисциплины, старалась оградить права собственности народонаселенія отъ самоволія и лихоимства военныхъ людей, и подвергала строгой отвѣтственности нарушенія по военному хозяйству. Въ тоже время королевская власть установила въ войскахъ лучше организованный полицейскій порядокъ на маршѣ и при занятіи квартиръ, облегчила военныя тяжести посредствомъ ограниченія багажа генераловъ, штабныхъ чиновъ и вообще начальниковъ, и опредѣлила отвѣтственность начальниковъ и офицеровъ за безпорядки и насилія войскъ на походѣ не только въ собственной странѣ, но и въ непріятельской. Въ этихъ видахъ въ ордонансахъ съ особенною суровостью преслѣдуются самовольныя отлучки и побѣги.

Для уравненія постойной и подводной повинности, были призваны къ участію правительственные чиновники или представители земства (Beamte, maires, echevins de villes, syndics, principaux habitans). Порядокъ передвиженія войскъ и занятія квартиръ опредѣлялся въ офиціальныхъ документахъ—въ *маршрутахъ* и въ *дислокаціи войскъ* (Repartition). Эти документы до начала похода военныя власти посылали къ правительственнымъ областнымъ чиновникамъ, обязаннымъ содѣйствовать военнымъ начальникамъ въ выполненіи условій марша и расположенія войскъ на квартирахъ.

На походѣ и при расположеніи на квартирахъ гражданскія власти и военные и земскіе коммисары должны были защищать интересы земли (экономію), дѣлать распоряженія по

заготовкѣ на опредѣленныхъ пунктахъ маршевыхъ колоннъ запасовъ провіанта и фуража, собирать подводы и т. п., соображаясь при этомъ съ высшими государственными интересами (политика); военные начальники, командиры частей и офицеры должны были заботиться о поддержаніи порядка на маршѣ и квартирахъ (дисциплина), предупреждать внутренними полицейскими мѣрами самовольныя отлучки и побѣги, насилія, вымогательства и грабежи и вообще заботиться объ охраненіи имущественныхъ и личныхъ правъ жителей не только собственной страны, но и страны непріятельской, занимаемой по военнымъ соображеніямъ.

Въ соотвѣтствіе съ политическими, экономическими и военными (правильнѣе—дисциплинарными) взглядами эпохи на войско, получили разработку военно-полицейскія постановленія и военно-уголовные законы, какъ это мы видимъ въ уставахъ, ордоннансахъ, регламентахъ, эдиктахъ и указахъ конца XVII и начала XVIII столѣтія, во Франціи, имперіи и другихъ государствахъ германскаго союза, особенно въ Саксоніи и Пруссіи, а равно въ Даніи и Швеціи.

Ближайшее наблюденіе за внутреннимъ порядкомъ въ войскахъ на маршѣ, на квартирахъ, въ гарнизонахъ имѣли строевые начальники, дисциплинарная власть которыхъ была значительна. За общимъ полицейскимъ порядкомъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, особенно на маршѣ и при расположеніи войскъ на квартирахъ, обязаны были наблюдать полицейскіе органы,—высшіе и низшіе: во Франціи—прево, въ Германіи—профосы, въ Нидерландахъ и въ Швеціи гевальтигеры. Когда же военные начальники сами не предпринимали должныхъ мѣръ къ предупрежденію безпорядковъ и къ устраненію злоупотребленій въ войскахъ при передвиженіи, на постоѣ у обывателей и вообще на театрѣ военныхъ дѣйствій, тогда выступали на сцену высшіе военно-административные факторы той эпохи—военные коммисары или кригсъ-коммисары, съ подчиненными имъ второстепенными органами или, какъ ихъ тогда называли, фискалами. Фискалы пользовались громаднымъ значеніемъ во всѣхъ государствахъ Европы, не исключая нидерландской республики.

Главные военные или генералъ кригсъ-коммисары или главные фискалы (въ Нидерландахъ) были непосредственными охранителями государственнаго интереса; они обязаны были производить повѣрку личнаго состава въ войсковыхъ частяхъ на смотрахъ, заботиться объ исправномъ довольствіи войскъ жалованьемъ и кормомъ, устранять затрудненія въ продовольствіи, въ подводахъ для перевозки тяжестей. На маршѣ военные коммисары или фискалы являлись посредниками между интересами войскъ и жителей, между потребностями снабженія войскъ всѣмъ что положено по штатамъ и табелямъ и обязанностями жителей страны. Безъ особеннаго спеціальнаго указа верховной власти, или главнокомандующаго, ею уполномоченнаго, или даже самаго генералъ-кригсъ-коммисара, войска не имѣли права брать что либо безденежно у жителей страны: продукты, провіантъ, фуражъ, подводы, лошадей подъ тяжести и т. п.; все то, что жители обязаны поставлять натурою, строго опредѣлялось въ уставахъ или временныхъ инструкціяхъ, надлежащимъ образомъ опубликованныхъ, и за все забранное войсками оплачивалось начальниками или коммисарами немедленно наличными деньгами, или же квитанціями, подлежавшими учету по предъявленіи въ военное казначейство. Если по обстоятельствамъ военнаго времени или условіямъ марша жители обязаны были давать войскамъ, кромѣ квартиры и освѣщенія, кормъ для людей и лошадей, то стоимость таковаго, по раскладкѣ, засчитывалась въ подати или же контрибуціи. За безпорядки внутренней службы въ войскахъ, несправедливости и притѣсненія жителей со стороны военныхъ начальниковъ, офицеровъ, солдатъ или же коммисаровъ, если таковые не могли быть устранены обыкновенными полицейскими или административными мѣрами, виновные подвергались наказанію по ордонансамъ или артикуламъ, собраннымъ въ военно-уголовномъ уставѣ, или же на основаніи спеціально данныхъ на извѣстные случаи и при извѣстныхъ обстоятельствахъ указовъ (ордеровъ, регламентовъ, патентовъ и проч.) для марша, для расквартированія, для взиманія подводъ, лошадей.

Таковы общіе результаты болѣе чѣмъ двухвѣковаго развитія военнаго права, замѣтно подчинившагося вліянію гуманитарныхъ началъ, предвѣщавшихъ новую эру въ быту европейскихъ народовъ, для котораго войско, въ началѣ XVIII столѣтія, въ эпоху раштадскаго и утрехтскаго мира на западѣ, карловицкаго—на югѣ и ништадтскаго—на востокѣ и сѣверѣ, перестаетъ быть элементомъ враждебнымъ, дѣйствующимъ въ ущербъ развитія народнаго благосостоянія и экономическаго богатства въ государствѣ. Вліяніе военнаго права на военное искуство съ конца XVII ст. въ войнахъ на Рейнѣ, въ Италіи, въ Нидерландахъ, въ Испаніи, а равно въ Литвѣ, Украйнѣ и сѣверной Германіи, выразилось въ томъ смыслѣ, что войска должны соблюдать на походѣ, на квартирахъ и на театрѣ военныхъ дѣйствій строжайшій внутренній порядокъ, щадить имущество и жизнь мирнаго населенія занятой страны своей—нейтральной или непріятельской. Это вліяніе, развивавшееся въ Европѣ послѣ знаменитаго похода Густава-Адольфа въ Германіи или, правильнѣе, послѣ Вестфальскаго мира, и отмѣченное яркими красками въ законодательныхъ памятникахъ той эпохи, имѣло самое благотворное дѣйствіе на судьбы человѣчества, неспособнаго, повидимому, обходиться безъ кровопролитій, и дало особенное обаяніе монархической власти. Если въ арміи, на театрѣ военныхъ дѣйствій, проявлялись еще неистовые грабежи и насилія, какъ напр. французовъ на Рейнѣ, то подобное явленіе вызывало всеобщее осужденіе. Насилія военныхъ людей надъ жителями занятой страны, обнаруживая или отсутствіе внутренняго порядка, или дурное содержаніе войскъ, отъ чего собственно и развивались побѣги, отлучки и грабежи, омрачали блескъ королевской короны и могли вести даже къ вооруженному протесту коалицій другихъ державъ. Эти явленія въ быту европейскихъ армій были теперь *исключеніемъ*; объ этихъ грустныхъ фактахъ европейская пресса не замедляла сообщать всѣмъ народамъ въ формѣ пасквилей или иныхъ литературныхъ произведеній того времени. Плачевныя экзекуціи французскихъ войскъ въ Нидерландахъ и на

Рейнѣ, австрійскихъ войскъ въ Венгріи, неистовые грабежи саксонскихъ и русскихъ войскъ въ сѣверной Германіи (1711 — 1713 г.г.), возмутительныя насилія и жестокости шведовъ въ Мазовіи и на Украйнѣ (до полтавской битвы), — отмѣчены историками, какъ варварство, несовмѣстное съ достоинствомъ воюющихъ сторонъ.

Начало XVIII ст. мы можемъ, поэтому, привѣтствовать въ двухъ отношеніяхъ: съ одной — стороны оно было зарею установленія порядка и законности въ содержаніи войскъ, съ другой—колыбелью развитія гуманитарныхъ идей въ военно-уголовномъ законодательствѣ.

Въ военно-уголовныхъ уставахъ всей Европы начала XVIII столѣтія замѣчаются попытки соизмѣренія въ возмездіи за содѣянное зло. Рядомъ съ самыми суровыми, жестокими наказаніями практикуются снисходительныя санкціи; въ наказаніяхъ солдатъ мы видимъ или жестокосердіе и отсутствіе всякаго снисхожденія, или же мягкость, даже слабость, какъ-бы невольная уступка все болѣе и болѣе развивающемуся у европейскихъ народовъ сознанію о безплодности жестокихъ каръ.

Съ особенною суровостью однако преслѣдуются вездѣ побѣги и самовольныя отлучки солдатъ—обрѣзаніе носа и ушей клейменіе, висѣлица; даже въ Саксоніи, законы которой отличались въ ту эпоху наибольшею мягкостью, дезертировъ засѣкали шпицрутенами. Напротивъ, уклоненіе офицеровъ отъ долга службы, неявка ихъ въ срокъ на службу, самовольная отлучка отъ своей части—или преслѣдовались слегка, денежными штрафами, или, вовсе ненаказывались.

Французское военное право, какъ видно изъ ордонансовъ Людовика XIV, съ 1651 по 1707 г., вошедшихъ въ военный кодексъ 1709 г. (Le code militaire de Louis XIV), преслѣдуетъ *дезертировъ* (deserteurs), какъ и подставныхъ солдатъ (passevolants) наравнѣ съ измѣнниками, какъ людей, оскорбляющихъ божеское и человѣческое право.

Людовикъ XIV при вступленіи на престолъ имѣлъ подъ ружьемъ 120 тыс. войска: такой многочисленной постоянной арміи еще не было въ Европѣ. Эта численность постоянно воз-

растала; во второй половинѣ XVII в. во Франціи было 150 т. войска, а въ войну за испанское наслѣдство — до 350 т. Войска эти комплектовались частью по рекрутскому набору, частью вербовкою.

Непомѣрное развитіе войска истощало средства государства, отсутствіе правомѣрности развращало администрацію.

Уклоненія отъ службы солдатъ и даже рекрутъ преслѣдовались съ крайнею суровостью. „Всякій французскій — конный и пѣшій — солдатъ, отлучившійся изъ роты далѣе двухъ лье, или неявившійся въ срокъ, или самовольно оставшійся въ деревнѣ, послѣ выступленія въ походъ своей части или самовольно отлучившійся изъ гарнизона, считается *дезертиромъ*, по задержаніи котораго судъ производится по ускоренной формѣ процесса въ 24 часа, и виновный въ побѣгѣ или самовольной отлучкѣ далѣе двухъ лье и проч. подвергается *лишенію жизни*, а за таковую же отлучку на меньшее разстояніе - наказанію *шпицрутенами*. Когда будутъ настигнуты въ одномъ мѣстѣ и въ одинъ день двое дезертировъ, то они немедленно наказываются лишеніемъ жизни. Когда же будетъ настигнуто на пути нѣсколько бѣглыхъ, то каждый *третій человѣкъ*, сколько бы не было бѣжавшихъ, наказывается *лишеніемъ жизни*, остальные же ссылаются *на галеры навсегда*". Осужденный къ смерти дезертиръ не могъ имѣть пощады, не могъ надѣяться на помилованіе, если бы даже, согласно обычаю, явилась дѣвица, чтобы обвѣнчаться съ преступникомъ (même quand, suivant l'usage, une fille se presen teroit pour prendre en mariage une criminel, ordon. du 1 janv. 1668).

Наравнѣ съ солдатами милиціи и регулярныхъ войскъ, за побѣгъ и самовольную отлучку наказываются рекруты, поступившіе изъ милиціи на укомплектованіе регулярныхъ войскъ, кавалеристы и солдаты регулярныхъ войскъ за самовольный переходъ изъ одной роты въ другую (ordon. 1701, 1693, 1705, 1692).

Всякій кавалеристъ, драгунъ или солдатъ французскихъ и иноземныхъ войскъ за побѣгъ къ непріятелю наказывается лишеніемъ жизни, и означенные дезертиры, *въ какомъ бы они*

ни были числь, наказываются повѣшеніемъ, а за неимѣніемъ палача—*разстрѣлніемъ* (ordon. du 20 novembre 1692, du 26 juillet 1658).

Дезертирамъ, пойманнымъ внутри государства, *публично передъ строемъ обрѣзываются носъ и уши, а на щекахъ кладутся два клейма лиліей* (fleurs de lys); послѣ обритья головъ, осужденныхъ дезертировъ *палачъ заковываетъ въ кандалы и затѣмъ подлежащія власти препровождаютъ ихъ на галеры на вѣчныя работы* (ordon. du 25 juillet 1658, 4 decembre 1684, 31 mais 1666).

Во всѣхъ мѣстахъ Франціи предписывается задерживать всякаго человѣка съ отрѣзаннымъ носомъ и ушами и отсылать таковыхъ подъ арестомъ въ ближайшую тюрьму, откуда они препровождаются на галеры (ordon. du 15 janvier 1685 г.).

За поимку бѣглыхъ кавалеристовъ, драгунъ, солдатъ, матросовъ (морскихъ солдатъ) и представленіе таковыхъ въ ближайшую тюрьму или въ мѣсторасположеніе военной части, или въ крѣпость, опредѣлено жителямъ, гражданскимъ властямъ и военнымъ коммисарамъ денежное вознагражденіе въ размѣрѣ 30 ливровъ за каждаго, независимо издержекъ на расходы по препровожденію бѣглыхъ. Наоборотъ, за укрывательство бѣглыхъ солдатъ, за подговоръ къ побѣгу, за оказаніе какой либо помощи бѣглому, за освобожденіе бѣглаго изъ рукъ проводниковъ, виновные подвергаются денежному штрафу, отрѣшенію отъ должности, исключенію изъ службы, ссылкѣ на галеры, или лишенію жизни.

Такъ, за подговоръ къ побѣгу виновный ссылается на галеры, за насильственное освобожденіе дезертира изъ подъ стражи, или изъ рукъ проводниковъ, виновный подвергается лишенію жизни и, кромѣ того, община, въ которой произведено такое насиліе, уплачиваетъ 200 ливровъ пени въ пользу мѣстнаго госпиталя и потерпѣвшихъ проводниковъ.

Въ военномъ секретаріатѣ со всѣхъ концовъ Франціи собирались самыя обстоятельныя свѣдѣнія о всякомъ дезертирѣ, съ описаніемъ его примѣтъ, имени, мѣста рожденія, и вся администрація, начиная съ губернаторовъ и комендантовъ

крѣпостей и оканчивая жителями деревни—мѣстѣ рожденія дезертира, приходила въ движеніе для поимки бѣглаго солдата.

Сержантъ-маіоры (плацъ-маіоры)—въ крѣпостяхъ и вахтмейстеры—въ полкахъ обязаны были доносить непосредственно самому королю Франціи о приведеніи въ исполненіе всѣхъ распоряженій, относящихся къ дезертирамъ. Прево, не арестовавшій дезертира, или выпустившій арестованнаго, лишается должности, а его имущество конфискуется въ пользу доносчика (ordon. du 1 juin 1668). Сержантъ-маіоръ лишается своей должности, если въ теченіи 24 часовъ не будетъ созванъ начальникомъ военный судъ для опредѣленія наказанія дезертиру (ordon. du 1 juin 1668). Начальникъ, не созвавшій суда въ теченіи сутокъ для наказанія дезертира, исключается изъ службы, съ лишеніемъ чиновъ, а его должность передается (?) офицеру, донесшему о таковомъ упущеніи (ibid).

Эти жестокіе, драконовскіе законы оставались въ силѣ почти до конца XVIII столѣтія, и тѣмъ не менѣе дезертирство во французской арміи было распространенно и искоренить его не удавалось никакими строгостями, никакими поощреніями доносчиковъ. Не забудемъ, что во Франціи военное судопроизводство сопровождалось пытками, и что военные суды находились въ полномъ подчиненіи администраціи.

Главныя причины побѣговъ происходили отъ отсутствія порядка и законности во внутреннемъ военномъ хозяйствѣ—полковомъ и ротномъ, отъ глубокой сословной розни, бывшей между офицерами и нижними чинами, причемъ на офицеровъ за уклоненія отъ долга службы, за попустительство, за бездѣйствіе власти налагались относительно незначительныя наказанія: денежные штрафы, отрѣшеніе отъ должности и только въ болѣе важныхъ случаяхъ—исключеніе изъ службы, съ лишеніемъ чина. Военные коммисары и полковники, пользуясь обширною властью, на смотрахъ, которымъ французская администрація придавала преувеличенное значеніе, умѣли представлять свои части въ блестящемъ внѣшнемъ порядкѣ. Всѣ эти недостатки французской военной администраціи, гдѣ мѣста

высшихъ коммисаровъ покупались у правительства за большія деньги, за десятки тысячъ ливровъ, во всей своей отвратительной наготѣ обнаружились въ войнѣ за испанское наслѣдство. Въ теченіи этой войны, поглощалось ежегодно до 40 тысячъ народонаселенія, истощены были финансы Франціи, армія терпѣла рядъ безславныхъ пораженій, солдаты разбѣгались, обращались въ бродягъ и тайныхъ враговъ существовавшаго законнаго порядка. Небывалые морозы въ зиму 1708—1709 г., говоритъ историкъ Шлоссеръ, голодъ, болѣзни, недостатокъ, погубили во Франціи множество людей, всюду господствовала нищета, а въ Парижѣ тратились милліоны денегъ коммисарами, поставщиками провіанта въ армію, откупщиками. . . . .

Безславная для французовъ война, окончившаяся утрехтскимъ и раштадскимъ миромъ, 1713 и 1714 г., нанесла Франціи неизлечимыя раны. Войска были деморализованы, побѣги истощали личный составъ арміи, вводили государство въ новые расходы, развращали народные нравы. Чрезмѣрное развитіе вооруженныхъ силъ истощило государство, цвѣтъ населенія погибъ въ безпрерывныхъ войнахъ, и нестолько отъ сраженій, сколько отъ голода и болѣзней; великолѣпный король, предписывавшій законы Европѣ, умеръ въ безславіи, оставивъ французское государство совершенно разслабленнымъ.

Однако не смотря на разстройство военной дисциплины и нравственную порчу войскъ, военныя учрежденія Франціи, считавшіяся лучшими въ Европѣ, продолжали по прежнему приковывать къ себѣ вниманіе Германіи, особенно Австріи, Саксоніи и Пруссіи, а за ними Россіи. Благодаря цѣлой серіи великихъ полководцевъ, воспитанныхъ во французской школѣ, военное искуство совершенно измѣнилось въ своихъ формахъ; для веденія войны требовалось изученіе. Вмѣстѣ съ наукою веденія войны перенимались отъ французовъ военныя учрежденія и военные законы.

Суровое преслѣдованіе дезертировъ и примѣненіе къ нимъ осрамительныхъ жестокихъ наказаній, практиковавшихся во французскихъ военно-уголовныхъ законахъ, въ военныхъ ордон-

пансахъ, собранныхъ барономъ де-Спарромъ и изданныхъ въ 1709 г., распространялось по Европѣ вмѣстѣ съ французскою модою и роскошью.

Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ подражателей французскаго военнаго устройства былъ король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ I (1713—1740 г.), который, будучи истымъ нѣмецкимъ патріотомъ и презирая французскую роскошь и моду, охотно бралъ отъ французской военной администраціи все, что, по его мнѣнію, способствовало развитію военныхъ силъ въ государствѣ.

Въ эпоху Людовика XIV думали вездѣ, что съ увеличеніемъ числа солдатъ возростаетъ могущество государства. Къ выполненію такой задачи Фридрихъ-Вильгельмъ направилъ всѣ силы маленькаго королевства.

Въ началѣ XVIII стол. прусская армія состояла изъ регулярныхъ войскъ, комплектуемыхъ по вербовкѣ, и ландмилиціи, составленной изъ туземцевъ и назначаемой для защиты государства въ случаѣ вторженія непріятеля. Регулярная армія первоначально устроена была курфюрстомъ бранденбургскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Великимъ, по образцу шведской арміи Густава-Адольфа. Бранденбургскіе военно-уголовные законы были скопированы у шведовъ, съ незначительными редакціонными измѣненіями. Съ конца XVII стол. на прусскихъ военныхъ учрежденіяхъ замѣтно выразилось вліяніе Франціи, которая снабжала Бранденбурго-Пруссію офицерами, преимущественно гугенотами. Бранденбурго-прусскіе генералъ-аудиторы Гойеръ и Шульцъ въ своихъ комментаріяхъ дали другое выраженіе шведскимъ законамъ, частью подъ вліяніемъ обще-имперскаго уложенія (Р. П. G. O.), частью же по образцамъ французскихъ военныхъ ордонансовъ. Эдикты или указы короля Фридриха I и особенно Фридриха-Вильгельма I (1713—1740), можно сказать, писались подъ диктовку кодекса Людовика XIV. Прусскій генералъ-аудиторъ *Кочъ*, пользовавшійся особымъ довѣріемъ послѣдняго короля и управлявшій общею юстиціей въ Пруссіи, вводилъ по образцу французовъ позорныя и жестокія наказанія; эти наказанія за укло-

ненія отъ военной службы отличались террористическимъ характеромъ.

Необходимо замѣтить, что въ средствахъ для формированія своей регулярной арміи, которую король стремился увеличить, въ то время, въ Пруссіи не были разборчивы: брали людей въ солдаты, гдѣ ни попало, и завели торговлю людьми. Вербовщики похищали солдатъ изъ чужой службы, хватали проѣзжихъ и король, вообще скупой до крайности, платилъ большія деньги, особенно за великановъ. Разсказываютъ, что однажды ему пришлось заплатить за одного фланговаго 8500 талеровъ, между тѣмъ какъ на содержаніе своего двора онъ отпускалъ не болѣе 93 талеровъ въ день. Петръ I за присылаемыхъ рослыхъ солдатъ получалъ въ обмѣнъ мастеровыхъ или же чиновниковъ, напримѣръ аудиторовъ. Принудительная вербовка изъ туземцевъ, неудававшаяся, не взирая на весьма суровыя наказанія за уклоненія отъ нея, замѣнена была свободною, причемъ вербовщики набирали всякій сбродъ лишь бы повыгоднѣе. Съ того времени въ прусскую регулярную армію стало попадать множество недостойныхъ и порочныхъ людей.

Полковники и капитаны пользовались чрезмѣрною дисциплинарною властью, а вмѣстѣ съ тѣмъ они были почти неограниченными распорядителями полковаго и ротнаго хозяйствъ. Между офицерами и солдатами были враждебныя отношенія, и это различіе сословности въ прусской арміи было болѣе рѣзкимъ, чѣмъ даже во Франціи. Офицеры принадлежали къ сословію дворянъ, нижніе чины происходили изъ разныхъ поддонковъ европейскаго общества. Военно-уголовное законодательство лишено было правомѣрности въ субъективномъ отношеніи, такъ какъ уголовная кара, постигавшая нижнихъ чиновъ, не распространялась на офицеровъ, которые, по мнѣнію военныхъ законодателей, слѣдовавшихъ принципамъ рыцарско-каноническаго права, неспособны были на дѣла безчестныя. Дѣятельность инквизиціоннаго процеса, сопровождаемаго пытками и крайне щепетильной казуистикой, на которую былъ большой мастеръ

прусскій генералъ-аудиторъ Гойеръ, направлена была главнымъ образомъ на дѣла объ уклоненіяхъ отъ службы, которыя, повидимому, больше всего занимали прусскую криминальную юстицію.

Согласно принципамъ французской военной администраціи, наказанія за уклоненія отъ военной службы, особенно за дезертирство и укрывательство бѣглыхъ, отличались неслыханною жестокостью. Съ 1711 года мы видимъ рядъ указовъ или эдиктовъ, опредѣлявшихъ дезертирамъ позорныя наказанія. Прежде дезертировъ наказывали висѣлицей или шпицрутенами. Въ 1711 году велѣно дезертира: объявлять передъ полкомъ шельмою, разломать надъ нимъ его мечь и, обрѣзавъ ему носъ и уши, какъ человѣку, недостойному принадлежать къ обществу честныхъ людей, заковать въ желѣза и заключить въ крѣпость на пожизненныя тяжкія работы, а въ слѣдующемъ 1712 году, 7 октября, новый эдиктъ предписывалъ: „бѣглыхъ, послѣ обличенія пыткою и обрѣзанія ушей (но не носа), клеймить, прогнать сквозь строй и затѣмъ ссылать на вѣчныя работы въ крѣпостяхъ". Здѣсь очевидное вліяніе французскаго военнаго ордонанса 1684 года. Эдиктомъ 1713 года повелѣвалось прусскихъ подданныхъ, укрывавшихся отъ вербовки, считать дезертирами и таковыхъ, послѣ поимки, наказывать на *тѣлѣ и смертью*, т. е. послѣ пытки и шельмованія вѣшать, а родителей и власти, обвиненныхъ въ пособничествѣ, въ укрывательствѣ, наказывать на тѣлѣ или, по обстоятельствамъ, денежнымъ штрафомъ.

Эдиктъ 1713 года, служащій основаніемъ послѣдующимъ законамъ, относящимся къ дезертирамъ, любопытенъ особенно тѣмъ, что обязываетъ жителей городовъ и селеній къ постоянному и неослабному надзору за войсками при постоѣ ихъ на квартирахъ. Хозяева квартиръ съ своими домочадцами должны были дежурить всю ночь, чтобы не ушелъ постоялецъ-солдатъ! Если хозяинъ оказывался недостаточно бдительнымъ, то таковой—so sein devoir negligiret содержался при полку подъ стражею до тѣхъ поръ, пока не уплачивалъ весьма значительнаго денежнаго штрафа (100 и болѣе тале-

ровъ за каждаго бѣглаго), или, если самъ былъ годенъ къ военной службѣ, то его брали въ рекруты, впредь до возвращенія дезертира; если же при упущеніи обнаруженъ былъ подговоръ, то виновный хозяинъ наказывался на тѣлѣ и смертью.....

Побѣги между тѣмъ возрастали: пытка, шельмованіе, обрѣзываніе ушей, висѣлица помогали мало. Обѣщаніе помилованія добровольно явившихся изъ бѣговъ также не помогало: желавшіе принести чистосердечное раскаяніе боялись являться съ повинною, зная что ихъ привлекутъ къ инквизиціонному розыску, который будетъ требовать открытія подговорщиковъ, пособниковъ и укрывателей. Дѣлами о дезертирахъ и укрывателяхъ наполнены были всѣ военные и гражданскіе суды. Но презрѣніе, съ которымъ обращались съ солдатомъ, при дурномъ обезпеченіи первыхъ жизненныхъ потребностей, при всякаго рода произволѣ, несмотря на тяжелыя и унизительныя наказанія, которымъ подвергали солдатъ, не могли не усиливать побѣговъ. Между тѣмъ каждый дезертиръ уносилъ съ собою часть своего снаряженія, полученный имъ задатокъ, при заключеніи съ нимъ контракта, употребленный на его образованіе трудъ, и вызывалъ новые расходы на замѣщеніе его другимъ. „Изслѣдованія показываютъ", сказано въ эдиктѣ 1718 года, „что зло это (побѣги солдатъ) постоянно увеличивается, многіе изъ нашихъ подданныхъ уходятъ въ сосѣднія провинціи и страны и тамъ остаются; такимъ образомъ въ государствѣ число жителей все болѣе и болѣе уменьшается, и эти причины заставляютъ его королевское величество усилить строгость въ отношеніи бѣглыхъ, забывающихъ честь и совѣсть".

Но всѣ строгости оказались безсильными для борьбы съ зломъ, разорявшимъ армію и разстраивавшимъ экономическое благосостояніе народа. Съ сосѣдними государствами Пруссія заключала договоры о взаимной выдачѣ дезертировъ за извѣстное вознагражденіе доносчикамъ, открывавшимъ ихъ убѣжище. Множество бѣжавшихъ, переставшихъ быть солдатами, лишенныхъ покровительства законовъ и не смѣв-

шихъ себя обнаруживать, образовали въ Германіи шайки грабителей, для которыхъ родиною стали дикіе лѣса и потаенныя мѣста въ горахъ, откуда они могли производить внезапно, почти безнаказанно, набѣги на жителей окрестныхъ селъ и даже на города.

Въ квартирномъ расположеніи войскъ и на бивакахъ постоянными перекличками ежедневно повѣряли наличное число людей въ ротахъ; въ гарнизонахъ одинъ родъ оружія наблюдалъ за другимъ, офицеръ—за унтеръ-офицеромъ, унтеръ-офицеръ – за солдатомъ; въ лагеряхъ и крѣпостяхъ стояли на готовѣ сигнальныя пушки (Lärmkanonen), изъ которыхъ стрѣляли, когда обнаружится побѣгъ солдата. „Всѣ окрестныя мѣста“, говоритъ *Рюстовъ* („Истор. пѣх.“, VII, стр. 188), „приходили въ движеніе, жителей селеній и городовъ обязывали ловить дезертировъ и побуждали къ тому назначеніемъ денежной преміи за пойманнаго бѣглеца, устраивали формальную облаву; послѣ поимки дезертира ожидало варварское наказаніе, въ назиданіе тѣмъ, у кого явилась бы охота послѣдовать ихъ примѣру“.

Крайняя жестокость прусскихъ военно-уголовныхъ законовъ къ дезертирамъ и къ укрывателямъ, которая распространялась и на гражданъ, скрывавшихся отъ вербовки, ни мало не достигала цѣли, такъ какъ причины, развивавшія это зло въ Пруссіи, оставались въ своей силѣ: ихъ не могли или не хотѣли изслѣдовать. Причины эти заключались въ самомъ устройствѣ регулярныхъ войскъ въ первой четверти XVIII столѣтія. Останавливаться на ихъ изслѣдованіи здѣсь не мѣсто. Отмѣтимъ только слѣдующія явленія въ быту прусской арміи: наказанія за уклоненія отъ службы усиливались до варварской жестокости, даже въ мирное время, а между тѣмъ управленіе и содержаніе войскъ не улучшалось; полковники прусскихъ войскъ пользовались чрезмѣрною дисциплинарною властью и, можно сказать, были полными распорядителями полковыхъ судовъ, гдѣ дѣла по инквизиціонному процессу вершили необразованные аудиторы, входившіе въ составъ полковаго унтеръ-штаба, приниженные,

происходившіе большею частью изъ бюргеровъ, и потому не пользовавшіеся привилегіями дворянъ-офицеровъ. Комментаторы, проникнутые ученіемъ философовъ-гуманистовъ, не могли осилить мрака, господствовавшаго въ прусскихъ военныхъ судахъ.

То, что сказано нами о Франціи и Пруссіи относится и къ другимъ государствамъ западной Европы, въ чемъ легко убѣдиться изъ разсмотрѣнія законодательныхъ памятниковъ начала XVIII столѣтія: Corpus juris militaris novissimum изд. 1724 г, Code militaire de Louis XIV, изд. 1709 г., изъ сочиненій: *Флеммина* (*Flemming* Der volkom. Teutsche Soldat), *Рюстова*, (Исторія пѣхоты, въ перев. А. К. Пузыревскаго) *Фрицціуса*: (*Friccius* Geschichte etc.), *Молитора*, *Шлоссера* „Исторія XVIII столѣтія".

Вездѣ въ западной Европѣ значительные побѣги изъ арміи, въ мирное и военное время разстраивали личный составъ полковъ, особенно пѣхоты, наносили народонаселенію большіе матеріальные убытки, развивали бродяжничество и причиняли государству много зла. Монархической Европѣ на первыхъ же порахъ учрежденія регулярныхъ войскъ приходилось серьозно подумать объ искорененіи зла, не уступавшаго передъ самыми жестокими наказаніями, соединенными съ позоромъ. Недостаточно было улучшить организацію войскъ, нужно было развить финансы и позаботиться объ улучшеніи матеріальнаго быта въ войскахъ. Но чрезмѣрное развитіе вооруженныхъ силъ во Франціи, а за нею въ имперіи, Пруссіи, даже въ небольшомъ государствѣ Савойи, на долгое время затормозило этотъ важнѣйшій вопросъ въ организаціи государства. Дезертирство оставалось чувствительнѣйшею язвою въ регулярныхъ арміяхъ, прославившихся въ вѣкъ Фридриха-Великаго.

Законы объ уклоненіяхъ отъ военной службы въ Россіи въ XVII и началѣ XVIII вѣка.

Въ Россіи уклоняющихся отъ *государевой службы* въ старину называли „нѣтчиками"; такими именовались въ указахъ,

грамотахъ и въ спискахъ разряда: неявлявшіеся на смотры, самовольно отлучавшіеся съ похода послѣ смотра, или послѣ раздачи жалованья, или уходившіе изъ войскъ, изъ полковъ бояръ и воеводъ въ военное время: „которые возьмутъ нынѣ государево денежное жалованье, и на государеву службу не пойдутъ, или съ государей службы сбѣжатъ". Мѣра наказанія за уклоненія отъ службы опредѣлялась въ великокняжескихъ или царскихъ грамотахъ и указахъ въ зависимости отъ угрожавшей опасности государству, отъ неудачъ во время войны, отъ безкормицы на пути или на театрѣ военныхъ дѣйствій. Для наказанія за явное или тайное уклоненіе отъ службы не существовало общихъ юридическихъ основаній, и потому, случалось, что за неявку на смотръ, при мобилизаціи войскъ, нѣтчиковъ наказывали строже, чѣмъ за уходъ изъ полка во время военныхъ дѣйствій. За неявку на смотръ, за самовольную отлучку изъ полковъ на походѣ, на театрѣ военныхъ дѣйствій, за побѣгъ: *дворянъ и дѣтей боярскихъ* наказывали батогами, кнутомъ, кнутомъ на козлѣ (нещадно), заточеніемъ въ тюрьму на неопредѣленное время, отнятіемъ части или всего помѣстья и денежнаго оклада. По наказаніи батогами или кнутомъ, служилыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ высылали въ полки за поруками, что „не сбѣжатъ". Отнятіе помѣстья, лишая сына боярскаго средствъ для государевой службы, равносильно было исключенію изъ службы. Къ стрѣльцамъ, городовымъ казакамъ, даточнымъ и вообще лицамъ низшихъ сословій за уклоненіе отъ службы примѣнялось вообще наказаніе батогами или кнутомъ, послѣ чего бѣглецовъ снова возвращали въ полки. За всякаго неотысканнаго въ бѣгахъ даточнаго отвѣчали помѣщики и власти, обязанные, взамѣнъ личной службы, ставить даточныхъ людей съ оружіемъ.

Соборное уложеніе 1649 г. привело постановленія о нѣтчикахъ въ нѣкоторую систему, но, обобщая прежніе законы, оно не различало строго самовольной отлучки отъ побѣга и уклонявшихся отъ службы не называло нѣтчиками. Въ главѣ VII уложеніе различаетъ слѣдующіе виды укло-

ненія отъ службы: 1) *неявку на службу*, подъ предлогомъ старости, увѣчья или болѣзни (гл. VII, ст. 18); 2) *самовольную отлучку со службы* (т. е. просто уходъ со службы) до роспуска войскъ, подъ какимъ либо предлогомъ, безъ царскаго указа или безъ вѣдома бояръ-воеводъ, (гл. VII, ст. 13, 14); 3) *побѣгъ со службы*: а) *ратныхъ всякихъ чиновъ людей* (гл. VII, ст. 8), и б) *иноземцевъ, кормовыхъ, стрѣльцовъ, казаковъ* или *даточныхъ людей* (гл. VII, ст. 9); 4) *побѣгъ со службы* дворянъ и дѣтей боярскихъ, съ передачею кому либо „воровски" своего помѣстья или съ продажей вотчины, чтобы не нести службы (гл. XVI, ст. 69); 5) *побѣгъ съ поля сраженія*, „кто съ бою убѣжитъ къ себѣ въ домъ" (гл. VII, ст. 19), и 6) *побѣгъ съ переходомъ къ непріятелю*, „кто учнетъ измѣною изъ полковъ переѣзжати въ непріятельскіе полки" (гл. VII, ст. 20).

Перебѣжчики или *переѣздчики* къ непріятелю казнились *повѣшеніемъ*, какъ за измѣну, „а помѣстья и вотчины и животы взять на государя (VII, ст. 20). *За побѣгъ съ поля сраженія*, дворяне и дѣти боярскіе подвергались наказанію *кнутомъ нещадно* и убавкѣ половины помѣстнаго и денежнаго оклада (VII, ст. 19). *За побѣгъ со службы*—дворяне и дѣти боярскіе наказывались *кнутомъ*, а за второй и третій побѣги наказаніе *кнутомъ* сопровождалось *убавкою помѣстнаго и денежнаго оклада жалованья*, и даже отнятіемъ всего помѣстья; если же побѣгъ сопровождался незаконною передачею помѣстья другому „воровски", то по наказаніи *кнутомъ нещадно*, учинившаго побѣгъ отсылали въ полки на службу, съ возвращеніемъ ему переданнаго имѣнія (гл. VII, ст. 8, гл. XVI, ст. 69). *За побѣгъ со службы* прочихъ служилыхъ, не дворянъ, а равно иноземцевъ, наказывали кнутомъ и затѣмъ возвращали ихъ на службу. Что же касается до наказанія за самовольныя отлучки и уклоненія отъ службы по разнымъ неуважительнымъ причинамъ, то въ соборномъ уложеніи они не были опредѣлены; въ немъ установлено однако наказаніе бояръ, воеводъ и головъ за незаконный отпускъ ратныхъ людей съ государевой службы, *за посулы и поминки*,

первыхъ—по усмотрѣнію государя, а головъ—публичному *наказанію батогами* и заключенію въ тюрьмѣ.

Въ санкціяхъ соборнаго уложенія мы видимъ воспроизведеніе опредѣленій, существовавшихъ ранѣе въ грамотахъ и указахъ. Однако съ первыхъ же лѣтъ дѣйствія соборнаго улож., именно въ періодъ тяжкой и продолжительной войны Россіи съ Польшею за обладаніе Малороссіей (1654—1667 г.), войны, которая на востокѣ Европы служила какъ бы повтореніемъ тридцатилѣтней войны (1618—1648 г.), какъ видно изъ многихъ грамотъ, указовъ и распоряженій, дѣлались постоянно уклоненія въ ту или другую сторону, противъ текста этихъ законовъ. Такъ, за уходъ со службы приказывалось воеводамъ *бѣглецовъ*, просто высылать въ полки, безъ всякаго *наказанія*, и только въ случаѣ ослушанія (если они не поѣдутъ въ полки по приказу, станутъ скрываться), грамоты или указы предписывали подвергать наказанію батогами или *кнутомъ*. Въ другихъ случаяхъ, такихъ же бѣглецовъ приказывалось ловить и вѣшать, или наказывать кнутомъ нещадно, и затѣмъ держать въ тюрьмѣ до государева указа. Нерѣдко встрѣчаемся съ распоряженіемъ о предоставленіи боярамъ-воеводамъ права вѣшать дворянъ и дѣтей боярскихъ за уходъ съ театра военныхъ дѣйствій, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ уходившихъ съ театра военныхъ дѣйствій, *въ болѣе трудное* время, велѣно возвращать въ полки и только сопротивлявшихся указу подвергать повѣшенію. Точно также указы не соображались съ правилами соборнаго уложенія относительно конфискаціи части, половины или всего помѣстья. Чаще и чаще стало входить въ употребленіе наказаніе, состоявшее въ томъ, что за несвоевременную явку на смотръ и даже за бѣгство съ театра военныхъ дѣйствій, дворянъ и дѣтей боярскихъ московскаго чина смѣщали въ городовые, городовыхъ—въ рейтары или въ солдаты: „и велимъ ихъ написать въ пѣшую службу, а помѣстья и вотчины велимъ у нихъ взять и отдать безпомѣстнымъ безповоротно“.....; „стольники, стряпчіе и дворяне московскіе (за утайку дѣтей своихъ) будутъ написаны въ

городовые", или „стольниковъ и стряпчихъ за неявку въ походъ велѣно написать съ городомъ"; или „стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ за утайку отъ записи дѣтей, братьевъ и проч. опредѣлить въ *рейтарскую службу* [1]).

Конфискаціи, полныя и половинныя, и смѣщеніе служилыхъ изъ одного разряда государевой службы въ другой, низшій разрядъ, со времени царствованія Ѳеодора Алексѣевича обратились, можно сказать, въ общую правительственную мѣру, что служитъ весьма важнымъ свидѣтельствомъ о подготовленіи самимъ правительствомъ перехода отъ помѣстнаго содержанія войскъ къ содержанію войскъ, устроенныхъ по иноземному образцу, каковы были рейтарскіе и солдатскіе полки иноземнаго строя, составляемые преимущественно изъ даточныхъ.

Дворяне и дѣти боярскіе стали замѣтно уклоняться отъ службы въ полѣ за нѣкоторое время до составленія соборнаго уложенія; уклоненія чрезвычайно развились во время тринадцатилѣтней войны съ Польшею, а послѣ заключенія Андрусовсковскаго перемирія, когда послѣдовало политическое сближеніе московскаго правительства съ Польшею и св. римской имперіей, уклоненія отъ государевой службы дворянъ и дѣтей боярскихъ приняли характеръ систематическаго упорства, особенно въ высшемъ разрядѣ служилыхъ московскаго чина.

Уже въ войну съ Польшею за Малороссію понадобилось развитіе *пѣхоты* по образцу имперцевъ, и съ этою цѣлью московское правительство стало увеличивать число солдатскихъ полковъ иноземнаго строя, съ начальниками и офицерами изъ иноземцевъ; но служить въ пѣхотѣ дворяне и дѣти боярскіе считали для себя *безчестьемъ*. Они предпочитали вмѣсто личной службы давать даточныхъ людей, къ чему поощряло ихъ соборное уложеніе. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича къ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ за уклоненіе

---

[1]) Полн. собр. зак. №№ 323, 587, 7[illegible]7, 1[illegible]9[illegible], 1218, 1313, 1327.—Историч. акты IV, № 50.

отъ государевой службы стали примѣнять *торговую казнь*, производить конфискаціи въ обширныхъ размѣрахъ, поощрять доносчиковъ обѣщаніями наградъ изъ части конфискованнаго имущества.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда, въ войнахъ съ Турціей и Крымомъ, число русскихъ полковъ иноземнаго строя составляло главную массу дѣйствующихъ армій, замѣчается усиленіе побѣговъ *даточныхъ*, назначаемыхъ для комплектованія этихъ полковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ развилось *укрывательство*. Бѣглыхъ служилыхъ укрывали помѣщики или ихъ приказчики, жители городовъ и уѣздовъ, „по свойству, по дружбѣ, по знакомству, за взятку и для работы". Въ царскихъ грамотахъ, еще за время царя Алексѣя Михайловича, за укрывательство и утайку бѣглыхъ грозилось *великою опалою* и *жестокимъ наказаніемъ* и *разореньемъ*, причемъ годныхъ на службу укрывателей, „кто изъ нихъ годенъ на службу, тѣхъ всѣхъ, вмѣсто бѣглецовъ, велѣно взять въ пѣшую службу и сослать на житье въ новые города". Въ войну же съ Турціей за Чигиринъ, за укрывательство бѣглыхъ даточныхъ установлены были денежные штрафы, поставка вмѣсто бѣглыхъ новыхъ даточныхъ, и сверхъ тѣхъ даточныхъ, за каждаго изъ нихъ, съ владѣльцевъ брали лучшихъ людей „съ женами и съ дѣтьми и со всѣми крестьянскими животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченымъ, и съ землянымъ", и переводили на вѣчное житье въ пограничные города на черту (на украину) на помѣщичьихъ подводахъ; утаенныхъ даточныхъ по розыскѣ отпускали *на волю*, поселяя ихъ на пашняхъ, гдѣ захотятъ, но съ обязанностію служить въ пѣхотѣ, а за утаенныхъ „взято будетъ съ помѣщика по 2 человѣка лучшихъ съ женами, дѣтьми.

Побѣги даточныхъ, а равно рейтаръ и солдатъ изъ полковъ, увеличивались вслѣдствіе безпорядковъ въ управленіи и содержаніи войскъ. Въ этомъ отношеніи русскіе войска стояли еще ниже французскихъ и нѣмецкихъ".

Въ русскихъ войскахъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, записалъ Корбъ въ своемъ дневникѣ, „много людей помираетъ

съ голоду; города, окрестности, села, деревни, лишенные жителей, превращаются въ пустыни". Каждый ратникъ долженъ былъ самъ добывать себѣ пропитаніе, на счетъ крайне скуднаго денежнаго жалованья. Войска таяли отъ голода и бобѣзней, и дезертирство развилось до крайнихъ предѣловъ въ войнѣ съ Турціей и Крымомъ.

Соборъ 1681—82 г., сдѣлавъ несущественныя перемѣны въ устройствѣ помѣстной конницы, не способенъ былъ остановить деморализацію служилыхъ всѣхъ разрядовъ; соборное уложеніе безсильно было бороться съ злоупотребленіями по должности бояръ, воеводъ и головъ, переименованныхъ въ полковники. Указы о преслѣдованіи денежнымъ штрафомъ укрывателей даточныхъ, съ поощреніемъ доносчиковъ, оставались мало дѣйствительными. Московскіе чины и дворяне отказывались отъ службы. Стрѣльцы стали заявлять свою боевую негодность открытыми мятежами. Солдатскіе полки, составляемые на скорую руку изъ даточныхъ, разбѣгались. И такимъ образомъ помѣстная система устройства войскъ послѣ двухъ крымскихъ походовъ шла къ разложенію быстрыми шагами.

Петръ I въ своихъ распоряженіяхъ, скрѣпляемыхъ боярскою думою, въ первые годы своего царствованія, противъ уклоняющихся отъ службы государевой дѣйствовалъ на старыхъ основаніяхъ.

Многіе изъ дворянъ и дѣтей дворянскихъ не бывали самовольно ни въ крымскихъ походахъ, ни подъ Азовомъ; иные въ спискахъ разряда были помѣчены въ двухъ, трехъ, четырехъ, пяти, даже въ шести „пѣтахъ". Неявившихся на службу „по лѣности" велѣно записывать: однихъ—въ конную или рейтарскую службу, другихъ, упорныхъ въ своемъ „огурствѣ"—въ пѣшую или солдатскую службу, съ отнятіемъ у послѣднихъ помѣстій и вотчинъ для раздачи челобитчикамъ [1]).

Съ неявлявшихся же не службу по болѣзни или увѣчью, если они оказывались на службу негодными или же не *желали* служить сами, велѣно брать деньги по 2 руб. или по 1 руб. съ

---

[1]) Именной указъ 22 ноября 1696 г., IV полн. собр. зак. III, № 1555.

каждаго двора [1]). На деньги, которыми помѣщики откупались отъ личной службы, правительство Петра I чаще и чаще призывало охочихъ людей и иноземцевъ, привлекая послѣднихъ преимущественно для службы въ пѣхотѣ. Слѣдовательно и у насъ въ концѣ XVII ст. дворяне откупались отъ личной службы, какъ было въ Пруссіи и вообще въ Германіи послѣ вестфальскаго мира.

Посошковъ въ своемъ сочиненіи, описывая событія послѣднихъ лѣтъ XVII вѣка, выражаетъ отвращеніе дворянъ и дѣтей дворянскихъ отъ военной службы слѣдующею стереотипною фразою: „Дай Богъ великому государю служить, а сабли бъ изъ ноженъ не вынимать". „Въ началѣ (войны) у нихъ клячи худыя, сабли тупыя, сами нужны и безодежны, и ружьемъ владѣть никакимъ неумѣлые". „Лучше имъ дома сидѣть, а то нечего и славы чинить, что на службу ходитъ" [2]). Секретарь австрійскаго посольства Корбъ, въ своемъ „Дневникѣ" замѣчаетъ, что дворяне (составлявшіе конницу съ своими „денщиками") „не считаютъ дѣломъ постыднымъ покупать себѣ нерѣдко за большія деньги позволеніе жить праздно за стѣнами своего дома и отдѣлаться отъ военныхъ опасностей" [3]).

Что такое были стрѣльцы въ военномъ отношеніи, достаточно извѣстно изъ русской исторіи и изъ приведенныхъ нами фактовъ въ нашемъ трудѣ объ „Арт. воин.". (вып. 2, разд. 1, гл. III). О деморализаціи этихъ войскъ, независимо бунта въ 1682 г., дастъ намъ достаточное понятіе поголовное возстаніе четырехъ московскихъ стрѣлецкихъ полковъ въ 1697 г., которые, будучи передвинуты изъ Азова на литовскую границу, въ Великіе Луки, открыто заявили свое отвращеніе отъ долга государевой службы.

Попустительство провинціальной администраціи, взяточничество воеводъ и приказныхъ, поощреніе доносовъ, открывало

---

[1]) Именной указъ 9 февраля 1698 г., I п. с. з. III, № 1616.

[2]) Соч. *Посошкова*, изд. 1842 г., „Записка о ратномъ поведеніи", 1701 г. стр. 287.

[3]) Дневникъ Іоганна-Георга *Корба*, бывшаго въ Москвѣ въ 1697 и 1698 годахъ, стр. 248.

широкое поле для злоупотребленій всякаго рода, развивались своекорыстные доносы челобитчиковъ, разстроивалось экономическое благосостояніе городовъ и селъ, помѣстій и вотчинъ; бѣднѣли города, помѣщики и ихъ крестьяне; въ войскахъ, между тѣмъ, вслѣдствіе многихъ причинъ, развивалось отвращеніе отъ долга службы, особенно въ военное время. Деморализація въ войскахъ послѣ азовскихъ походовъ, повидимому, достигла крайняго состоянія. Значительная часть народонаселенія, начиная отъ родовитыхъ дворянъ, стольниковъ и дворянъ московскаго чина, и оканчивая безземельными бобылями, избѣгая военной службы, откупалась отъ нея или же скрывалась гдѣ либо, въ качествѣ „нѣтчиковъ". Бѣглецамъ потворствовала мѣстная администрація, а изъ уѣздовъ, управляемыхъ болѣе ретивыми воеводами, бѣглецы уходили на Донъ, на Волгу, въ Башкирію... Усиливались элементы, враждебные государственному строю, увеличивалось число тайныхъ враговъ Петра I, особенно послѣ возвращенія его изъ перваго своего путешествія по Европѣ, когда онъ открыто и рѣшительно приступилъ къ общей реформѣ военнаго устройства. И торопиться общею военною реформою ему было необходимо не потому, что бунтовались стрѣльцы, но потому, что кромѣ четырехъ полковъ: 1-го выборнаго солдатскаго московскаго (или полка Лефорта), 2-го выборнаго солдатскаго бутырскаго (или полка Гордона) преображенскаго и семеновскаго и незначительной части артиллеріи, всего не болѣе 20000 чел., въ московскомъ государствѣ не было ни одной части, на которую могло бы положиться правительство для защиты государства. Отъ воеводъ изъ провинцій въ 1695, 96, 97, 98 и 99 годахъ въ Москвѣ получались печальныя вѣсти, что „полковые, городовые, всякихъ чиновъ служилые и жилецкіе люди, ихъ дѣти, свойственники и крѣпостные люди и крестьяне, не хотя служить государевой службы и податей платить, не хотя быть у строенья морскихъ судовъ, у струговаго дѣла, у лѣсной работы, въ кормщикахъ, гребцахъ, на плотахъ, бѣгутъ въ донецкіе казачьи городки".

Казаки—донскіе, малороссійскіе, украинскіе или слобод-

скіе—въ XVII ст., какъ извѣстно, составляли превосходную конницу. Они были полезны для московскаго государства, пока не превозмогали ихъ собственные интересы, и изъ исторіи извѣстно, что казачьи войска, подъ предводительствомъ своихъ атамановъ или гетмановъ, бывали опасными для государства, вопреки интересамъ котораго, подавали руку помощи врагамъ Россіи; этою слабою стороною православнаго „казачества" въ вѣкъ религіозной борьбы за православіе пользовались во вредъ московскаго государства: ханъ крымскій—татаринъ, король польскій — католикъ, король шведскій — лютеранинъ. И неудивительно, если обратимъ вниманіе на слѣдующую мѣткую характеристику донскихъ казаковъ у Котошихина: „И дана имъ на Дону жить *своя воля*, и начальныхъ людей межъ себя атамановъ и иныхъ избираютъ, и судятся во всякихъ дѣлахъ по своей волѣ, а не по царскому указу". Они охотно давали пріютъ на Дону всѣмъ уклонявшимся отъ государевой службы царя московскаго. Малороссійскіе казаки были и того хуже: они почти уже готовы были стать на сторонѣ враговъ Россіи.

Положеніе Петра Великаго при самомъ началѣ преобразованія военнаго устройства въ Россіи было крайне труднымъ; всѣ его дѣйствія до самой кончины, въ теченіе *четверти столѣтія*, представляютъ передъ нами величественную драму, одну изъ наиболѣе поучительныхъ страницъ въ исторіи русскаго уголовнаго законодательства. Со времени устройства регулярнаго войска, въ которомъ понятіе *о долгѣ военной службы*, какъ государственной повинности, получаетъ то значеніе, до пониманія котораго ранѣе не доросло русское общество, воспитанное на помѣстно-крѣпостномъ правѣ, какъ можно судить изъ соборнаго уложенія 1649 г., собственно и начинается новый періодъ въ исторіи русскаго военно-уголовнаго законодательства. Въ военныхъ законахъ Петра Великаго, какъ и въ подобныхъ же законахъ западно-европейскихъ народовъ, особенно въ законахъ шведскихъ, служившихъ образцомъ для начертанія военнаго артикула, помѣстному началу, поддерживавшему рабство, твердо и ясно противопоставлено начало

служебное, а это начало, выражаемое въ повиновеніи подчиненнаго волѣ начальника, и скрѣпляемое дисциплиною, не ставитъ подчиненнаго нижняго чина въ унизительное положеніе передъ своимъ старшимъ офицеромъ. Солдатъ петровской арміи, по духу военно-уголовныхъ законовъ, есть такой же слуга своего отечества и защитникъ государства, какъ офицеръ и генералъ: каждый одинаково обязанъ служить съ самоотверженіемъ своему отечеству, на вѣрность которому даетъ присягу при знамени, во имя верховнаго вождя, какъ главы государства. Солдатъ - слуга отечества, онъ его работникъ, но не такой работникъ, силами и досугомъ котораго можетъ пользоватся каждый офицеръ, какъ своимъ наемнымъ слугою, по своему усмотрѣнію, для своихъ личныхъ интересовъ, въ ущербъ службѣ государству, одинаковой какъ для солдата, такъ и для офицера. Какъ смотрѣли на свои команды воеводы, головы и сотники помѣстныхъ войскъ, такъ преступно смотрѣть на свои команды начальникамъ и офицерамъ регулярной арміи. Въ послѣдней—идеѣ повиновенія волѣ начальника — не противорѣчитъ запрещеніе закона обращать ему подчиненнаго въ своего личнаго слугу. Понятіе о долгѣ службы въ регулярной арміи исходитъ изъ того общаго начала, что частное благо и индивидуальная польза подчиняются интересамъ общимъ, государственнымъ.

Въ концѣ XVII въ началѣ XVIII столѣтія въ государствахъ Европы существовали одинаковыя *причины* для систематическаго уклоненія отъ военной службы, и не смотря на суровыя наказанія, соединенныя съ позорнымъ лишеніемъ чести, обезображеніемъ человѣческаго лица и конфискаціей имущества, съ разореніемъ благосостоянія фактическихъ виновниковъ и укрывателей или пособниковъ, дезертирство изъ войскъ держалось упорно во Франціи, въ имперіи, въ Пруссіи и во всей Германіи, а также въ Даніи и Швеціи. Это стихійное явленіе служитъ лишь выраженіемъ общественнаго склада народовъ Европы, при переходѣ ихъ отъ средневѣковаго варварства къ новѣйшей исторіи. Всѣ народы стремились къ развитію своего благосостоянія и съ одинаковымъ

инстинктомъ были заинтересованы въ сообщеніи монархической или центральной государственной власти наибольшей крѣпости и могущества. Французамъ и германцамъ было тяжко ихъ прошедшее, и тѣмъ болѣе имперскимъ нѣмцамъ, которые чувствовали свою слабость для борьбы съ Турціей, требовавшей особаго напряженія силъ. Тяжелы были задачи европейской монархіи: нужно было располагать достаточными средствами для содержанія вооруженной силы въ постоянной готовности, не обременяя подданныхъ налогами, нужно было сообщить этой силѣ единство воли, ввести порядокъ въ снабженіи войска необходимымъ, уничтожить злоупотребленія въ довольствіи солдата жалованьемъ и кормомъ, а съ этою цѣлью установить общій контроль надъ дѣйствіями начальниковъ и утвердить одни и тѣже военные законы для арміи, безъ различія родовъ оружія, званій и состояній. Только имѣя войска въ постоянной готовности, можно было надѣяться на сохраненіе въ цѣлости новоустроеннаго государства отъ притязаній враговъ, опасныхъ превосходствомъ своей организаціи, и на поддержаніе спокойствія внутри, когда съ такимъ упорствомъ, или выражаясь языкомъ эпохи „огурствомъ", проявлялась дерзость сторонниковъ отжившаго свое время порядка вещей. Стрѣльцовъ считали жертвами жестокости государя, а того не видѣли, что это, такъ называемое, войско обратилось въ опасную касту, заѣдавшую народныя силы.

Здѣсь не мѣсто распространяться въ изслѣдованіи причинъ перехода Россіи къ устройству вооруженныхъ силъ по образцамъ западно-европейской монархіи. Эти причины нами подробно разсмотрѣны въ недавно вышедшемъ трудѣ нашемъ объ артикулѣ воинскомъ (вып. 2). Замѣтимъ только, что въ Россіи, съ половины XVII вѣка, такія же причины, какъ и въ Европѣ, съ начала этого вѣка, вели къ систематическому уклоненію отъ „государевой службы" высшее сословіе — дворянъ и дѣтей боярскихъ, предпочитавшихъ вмѣсто личной службы платить деньги и давать крѣпостныхъ своихъ слугъ для веденія войнъ. И не столько ожиданіе опасностей

отъ развившагося дѣйствія огнестрѣльнымъ оружіемъ, сколько новыя экономическія условія народной жизни, не дававшія возможности расчитывать на обогащеніе себя добычею на счетъ врага, или сосѣда, отклоняли зажиточные классы отъ военной службы. Но отъ „государевой службы" подъ знаменами бояръ и воеводъ бѣгали и низшіе слои народонаселенія, даточные, изъ которыхъ формировались русскіе полки иноземнаго строя. Они разбѣгались толпами, изъ чувства самосохраненія, изъ опасенія умереть отъ голода и холода, вслѣдствіе неустройства содержанія войскъ на походѣ и на театрѣ военныхъ дѣйствій, отъ несовершенства военной администраціи.

Событія XVII столѣтія передали въ наслѣдіе Петру I систематическое упорное уклоненіе отъ военной службы всѣхъ сословій въ государствѣ. Между тѣмъ съ самаго начала устройства имъ регулярной арміи, съ 1699 года, когда пришлось начать упорную борьбу съ Карломъ XII, Петръ I встрѣчается лицомъ къ лицу съ страшнымъ зломъ, отъ котораго разстроивался личный составъ вновь устроенныхъ регулярныхъ войскъ, увеличивались жертвы преимущественно земледѣльческаго населенія, обязаннаго платить подати и поставлять даточныхъ, умножались непомѣрно расходы на содержаніе войскъ и вносилась нравственная порча въ общественную среду. Явныя и тайныя уклоненія отъ военной службы, ставъ вопросомъ государственнымъ, требовали рѣшительныхъ, нерѣдко даже крайнихъ мѣръ для противодѣйствія злу.

Въ теченіе Сѣверной войны, начиная отъ пораженія русскихъ войскъ подъ Нарвою, въ 1700 году, и до заключенія ништадтскаго мира, мы видимъ стремленіе высшаго сословія, дворянъ, всякаго рода способами отдѣлаться отъ военной службы и не только лично, но и посредствомъ утайки отъ назначенія на службу своихъ дѣтей, а равно и слугъ. Дезертирство изъ полковъ драгунъ и солдатъ, а изъ флота матросовъ было такъ велико, что по свидѣтельству современника, посла англійской королевы Чарльса Витворта, личный составъ полковъ ежегодно (въ періодъ 1705 – 1708 г.)

уменьшался почти на одну треть, въ такое время, когда даже и не происходило никакихъ сраженій; бѣгали даточные рекруты, со станціи и по пути къ арміи, бѣгали драгуны, солдаты, матросы, бѣгали толпами, сотнями, тысячами.

Бѣглымъ драгунамъ, солдатамъ, матросамъ рекрутамъ покровительствовали *укрыватели,* большею частью сторонники стараго порядка, опиравшіеся на значительную часть духовенства, нѣкоторыхъ бояръ и царевича Алексѣя. Укрывавшіеся дезертиры не рѣдко принимали чужое имя, бѣглые унтеръ-офицеры становились самозванными офицерами, имъ давали пріютъ нѣкоторые помѣщики, священнослужители и даже монастыри, власти которыхъ не могли мириться съ мыслью объ обязательномъ содержаніи ими отставныхъ и увѣчныхъ воиновъ, въ ущербъ содержанія самихъ монаховъ и съ воспрещеніемъ замѣнять открывавшіяся вакансіи новыми. Если бѣглымъ неудавалось скрываться на родинѣ, среди народонаселенія, то они удалялись на Донъ, гдѣ, какъ извѣстно изъ булавинскаго бунта, ихъ принимали охотно; новобранцы, случалось, переходили къ нимъ толпами, или же уходили еще далѣе на Волгу, на востокъ. Растерянное общество къ бѣглымъ солдатамъ и рекрутамъ не знало какъ относиться: одни боялись ихъ мести, другіе—ихъ жалѣли; тѣ и другіе чистосердечно считали ихъ жертвами нововведенія Петра.

И такъ, въ Россіи уклоненіе отъ военной службы, при переходѣ къ войскамъ регулярнымъ, когда вслѣдствіе значительныхъ побѣговъ „происходило не малое государству разореніе и въ полкахъ неисправность“, приняло значеніе вопроса политическаго.

За грѣхи *приказной* администраціи приходилось терпѣть Петру Великому, который воздвигнувъ на развалинахъ московскихъ приказовъ, сенатъ, а за тѣмъ и коллегіи въ С.-Петербургѣ, и поддерживая дѣятельность этихъ новыхъ учрежденій всею силою своей несокрушимой, твердой воли, посредствомъ ряда правительственныхъ мѣръ, стремился искоренить страшное зло, подкапывавшееся подъ основы россійскаго го-

сударства, растраивавшее регулярную армію и вредившее экономическимъ силамъ народонаселенія.

Правительственныя мѣры противъ уклоняющихся отъ военной службы, сколько можно судить въ настоящее время изъ офиціальныхъ документовъ, удобнѣе всего разсмотрѣть по тремъ періодамъ царствованія Петра Великаго: 1) до начала великой Сѣверной войны; 2) въ нарвскій и полтавскій періоды войны, т. е. въ первые годы учрежденія регулярныхъ войскъ до обнародованія устава воинскаго въ 1716 году, и 3) въ періодъ дѣйствія артикула воинскаго и военной коллегіи до кончины Петра Великаго

Въ первый періодъ, до начала Сѣверной войны, уклоняющихся отъ государственной службы „нѣтчиковъ" и бѣглыхъ, а равно укрывателей, преслѣдовали по старому обычаю, на основаніи соборнаго уложенія и царскихъ указовъ; послѣдніе дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ угрожали конфискаціей имущества, домовымъ разореніемъ, переводомъ изъ высшихъ разрядовъ помѣстной службы въ рейтарскую и солдатскую службу или же опредѣленіемъ денежнаго штрафа взамѣнъ личной службы; прочимъ же служилымъ, согласно уложенію, опредѣлялось наказаніе батогами и кнутомъ, съ возвращеніемъ на службу. Въ болѣе важныхъ случаяхъ къ послѣднимъ примѣнялось повѣшеніе.

Во второй періодъ, наказанія за уклоненіе отъ военной службы представляютъ смѣсь старыхъ началъ съ новыми, заимствованными у западныхъ сосѣдей; при чемъ уклоняющіеся отъ службы высшія сословія, дворяне и дѣти боярскіе, преслѣдуются по старому обычаю—угрозами конфискаціи, денежной пени и наградою доносителямъ, а бѣглымъ драгунамъ, солдатамъ и рекрутамъ регулярныхъ войскъ всѣ выходившіе законы съ 1701 по 1714 годъ угрожаютъ смертью.

Кромѣ смертной казни, *повѣшеніемъ*, которое примѣнялось уже давно, еще со времени царя Алексѣя Михайловича, даже къ дѣтямъ боярскимъ, повелѣвалось: рекрутъ за побѣгъ наказывать смертью — *повѣшеніемъ третьяго человѣка по жребію*, прочихъ же изъ партіи бѣглыхъ, по на-

казаніи кнутомъ, *ссылать* на *вѣчную каторгу*; вслѣдъ за симъ, въ томъ же 1705 году, опредѣлено было: „пущихъ заводчиковъ десятаго, а когда такихъ заводчиковъ нѣтъ, а бѣжали съ умысла, и изъ тѣхъ же десятагожъ человѣка повѣсить, а достальнымъ чинить наказаніе при полку—бить кнутомъ, и быть въ полку по прежнему". Добровольно возвращавшихся изъ бѣговъ солдатъ (изъ даточныхъ и вольныхъ), по наказаніи кнутомъ, велѣно посылать на срочную работу въ крѣпости (Азовъ или Петербургъ), а по истеченіи пяти лѣтъ возвращать въ полки по прежнему, а рекрутъ, по *наказаніи шпицрутенами,* оставлять на службѣ въ полку [1]). Кромѣ того, на основаніи военнаго уложенія или права воинскаго поведенія, которое дѣйствовало съ 1702 года, опредѣлялось: за самовольную отлучку изъ лагеря или крѣпости—*наказаніе шпицрутенами* или *по разсмотрѣнію* (суда?), а въ виду непріятеля—„подъ непріятелемъ"—*смертная казнь*; за побѣгъ къ непріятелю—*прибытіе имени къ висѣлицѣ* и (онъ) „*вольная птица* (въ датск. оригиналѣ, откуда заимствованы юридическія опредѣленія военнаго уложенія – Vogelfrey) всякому ко убіенію и похищенію осужденъ, и гдѣ пойманъ будетъ повѣшенъ быти имѣетъ безъ всякой милости (въ оригиналѣ—безъ суда, ohne Gnade); за бѣгство съ поста—*смертная казнь.* По краткому же артикулу, составленному въ 1706 г., *повѣшеніе* опредѣлялось за всякаго рода побѣгъ отъ своего знамени (кратк. арт. гл. VIII, ст. 6). Около того же времени введено и клейменіе бѣглыхъ рекрутъ посредствомъ накалыванія креста на лѣвой рукѣ у большаго пальца. Раскольники называли такое клеймо *антихристовою печатью.* Замѣтимъ, однако, что о клейменіи преступниковъ упоминается въ договорныхъ грамотахъ нѣмцевъ съ русскими въ XIII ст., гдѣ нѣмцы предлагали пойманныхъ въ воровствѣ русскихъ наказывать розгами и клеймить щеки. О клейменіи же упоминается въ двинской грамотѣ въ 1359 г. Позже въ кормчей книгѣ говорится о вырѣзываніи ноздрей и отрѣзаніи носа.

---

[1]) Полн. собр. зак. №№ 1820, 2019, 2031, 2062, 2068.

Въ періодъ новаго формированія регулярныхъ пѣхотныхъ и драгунскихъ полковъ, отъ 1705 по 1708 г., побѣги рекрутъ и солдатъ, какъ извѣстно, достигали громадныхъ размѣровъ. Драгунскіе полки въ короткое время, въ теченіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ, вслѣдствіе побѣговъ, уменьшались на *двѣ трети* или на *половину* личнаго состава (изъ 23000 оставалось на лицо 8000 чел., изъ 30000—16000 чел., донесенія Ч. Витворта); пѣхотные полки уменьшались на одну или двѣ пятыхъ. Наказаніе, угрозы, повидимому, не дѣйствовали, пока не было улучшено управленіе войсками и не привлечены были къ отвѣтственности: начальники, офицеры и солдаты по капральствамъ, обложеніемъ опредѣленнаго денежнаго штрафа за каждаго бѣглаго солдата или драгуна, и поручители за бѣглыхъ рекрутъ. Сначала по старому обычаю велѣно было брать родственниковъ или ихъ свойственниковъ взамѣнъ бѣглыхъ даточныхъ (рекрутъ); но эта послѣдняя мѣра, крайне несправедливая, была отмѣнена въ 1710 году: тогда за доимочныхъ рекрутъ опредѣлено было брать деньги до 20 руб. за человѣка. Виновные въ корысти или послабленіи партіонные начальники, по розыску, подвергались *лишенію живота, имѣнія и чести*, укрыватели—денежному штрафу, въ размѣрѣ *тройнаго оклада солдатскаго жалованья*, а въ болѣе важныхъ случаяхъ, за укрывательство угрожалось *лишеніемъ жизни, конфискаціей имущества*, или *лишеніемъ чина и имѣнія* [1]); наконецъ за поимку бѣглаго рекрута или открытіе его убѣжища назначалось пять рублей въ награду.

Коротко говоря, въ первый періодъ Сѣверной войны, до начала дѣйствія артикула воинскаго, юридическія санкціи за уклоненія отъ службы были частью повтореніемъ указовъ XVII ст. или постановленіе соборнаго уложенія (наказаніе батогами, кнутомъ, повѣшеніе, конфискаціи), частью же—воспроизведеніемъ французскихъ военныхъ ордонансовъ Людовика XIV, а равно датскихъ и нѣмецкихъ (пруско-саксонскихъ) артикуловъ (наказаніе шпицрутетами, ссылка на галеры или ка-

---

[1]) I Полн. собр. зак. № 2467, 2700, 2783, 2885, 2900.

торга, крѣпостныя работы, смертью третьяго, когда бѣглыхъ рекрутъ болѣе двухъ, или десятаго, зачинщиковъ). За бѣглыхъ рекрутъ отвѣчали, какъ и прежде, ихъ поручители.

Въ способѣ преслѣдованія дезертировъ, особенно рекрутъ, Петромъ Великимъ мы видимъ крайнюю суровость, какъ и во Франціи при Людовикѣ XIV.

Но рядъ грозныхъ указовъ едва ли могъ приводиться въ исполненіе на самомъ дѣлѣ. Царскіе указы говорили одно, а на практикѣ дѣлалось другое. Разбѣгалось ежегодно отъ 10 до 20 тысячъ солдатъ и рекрутъ. Драгуны формировались преимущественно изъ охочихъ людей и изъ слугъ боярскихъ и вообще лицъ, имѣвшихъ недвижимую собственность; нерѣдко этихъ людей брали силою (напр. въ Москвѣ въ 1707 году). Въ пѣхотные полки брали даточныхъ крестьянъ или рекрутъ. О послѣднихъ въ одномъ указѣ сказано, что ихъ „со станцій, съ Москвы и съ пути въ арміи“ бѣжало 20000 человѣкъ, и если только взять съ поручителей по 5 руб. за человѣка, то составилась бы сумма въ 100000 руб., а по 10 руб.— 200000 р... Но взысканіе денегъ за бѣжавшихъ рекрутъ съ поручителя или ихъ свойственниковъ, какъ мѣра несправедливая по существу, увеличивала лишь число недовольныхъ и вносила путаницу. Ежегодный наборъ простирался до 30000 чел., и изъ этого числа, не смотря на угрозы жестокими наказаніями, разбѣгалось не менѣе одной трети.

Соблюдать строгій порядокъ и поддерживать дисциплину въ русскихъ войскахъ на театрѣ военныхъ дѣйствій—въ Лифляндіи, Литвѣ и Польшѣ, въ первые годы Сѣверной войны, не было никакой возможности, пока не были измѣнены невыгодныя условія въ способахъ содержанія войскъ и не устранены недостатки въ военной организаціи. Не ранѣе 1705 года Петру I удалось образовать главный и полковые штабы; не ранѣе 1706 года—положить начало порядку въ перевозкѣ тяжестей за арміей, послѣ того когда самовольно разбѣжались почти всѣ подводчики; только въ 1707 году состоялось распоряженіе о болѣе правильномъ способѣ довольствія войскъ провіантомъ и фуражемъ на квартирахъ, по образцу цесар-

скому; не ранѣе 1710—1711 даны *основанія* къ регулярному содержанію войскъ жалованьемъ, порціонами и раціонами на маршѣ и на квартирахъ, когда послѣ учрежденія губерній, сената и кригсъ-коммисаріата составлены были штаты и положенія и регулярное содержаніе пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи разложено равномѣрно по всему государству.

Послѣ полтавской побѣды, т. е. съ 1710 года, русскія войска вступили въ близкое соприкосновеніе съ датскими, саксонскими, а съ 1715 года и съ прусскими союзными войсками, и вмѣстѣ съ ними стали дѣйствовать въ сѣверной Германіи — въ Померапіи, Мекленбургѣ, Шлезвизѣ и Даніи.

Не трудно было замѣтить Петру I, съ его настойчивымъ стремленіемъ поставить руское войско на одну степень съ лучшими регулярными войсками Европы, что союзныя войска обладали болѣе сильными средствами для поддержанія порядка и дисциплины на театрѣ военныхъ дѣйствій. Извѣстно, что русскія войска ознаменовали свое пребываніе въ сѣверной Германіи грабежами и опустошеніями, появились памфлеты съ представленіемъ русскихъ величайшими варварами, и мы видимъ рядъ распоряженій Петра I, которыми опредѣлялись порядокъ на маршѣ, съ угрозою наказаніями за отступленіе отъ службы; въ одномъ указѣ повелѣвалось солдатъ за самовольныя отлучки наказывать шпицрутенами, а офицерскихъ слугъ — вѣшать. При заключеніи трактата съ прусскимъ королемъ въ 1715 году послѣдній ставилъ условіе, чтобы „россійскія войска въ крѣпкомъ порядкѣ держимы были и всѣ чины королевскія учрежденія исполняли". Петръ I съ самаго начала Сѣверной войны, пользуясь опытностью призванныхъ имъ на службу иноземцевъ, внимательно присматривался къ устройству союзныхъ войскъ; но онъ предпочелъ шведскіе военно-уголовные законы, какъ болѣе умѣренные и лучше обработанные, признавъ за ними превосходство и въ другихъ отношеніяхъ. Онъ повелѣлъ составить артикулъ воинскій по образцу шведскаго военнаго артикула и поручилъ это дѣло составителю про-

цессовъ, саксонцу Эрнсту-Фридриху *Кромпсну*, оберъ-аудитору на русской службѣ [1]). Изданіемъ устава воинскаго, подписаннаго Петромъ 30 марта 1716 года, съ повелѣніемъ сенату (10 апрѣля) напечатать 1000 экземпляровъ, изъ которыхъ ста три на нѣмецкомъ и славянскомъ языкѣ для иностранныхъ офицеровъ, бывшихъ на русской службѣ, увѣнчанъ былъ гигантскій трудъ Петра I надъ устройствомъ регулярнаго войска въ Россіи. Артикулъ воинскій и процессы, т. е. законы военно-уголовные и военно-уголовнаго судопроизводства, отпечатанные еще въ 1715 г., составили вторую часть сборника военныхъ законовъ Петра I [2]) и вступили въ силу послѣ обнародованія устава воинскаго въ 1716 году.

Въ артикулѣ воинскомъ уклоненія отъ военной службы находятся въ слѣдующихъ статьяхъ: гл. VII—арт. 60, 61, 63; въ гл. VIII—арт. 64, 68; гл. IX—арт. 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75; гл. X—арт. 76, 77, 78, 79, 80, 82, гл. XI—арт. 88, 91, 92, 93; гл. XII—арт. 94, 95, 96, 97, 98, 99 и 100. Въ перечисленныхъ артикулахъ разсматриваются слѣдующія самостоятельныя воинскія преступленія: *побѣгъ*, т. е. безусловное оставленіе своего знамени, съ цѣлью отдѣлаться навсегда отъ обязанностей военной службы, или избѣжать извѣстнаго рода опасности; *самовольная отлучка*, т. е. условное, временное отсутствіе отъ своего знамени вовсе съ цѣлью отдѣлаться какимъ либо способомъ отъ службы не навсегда, а лишь временно, съ какимъ либо *намѣреніемъ*.

Къ первый категоріи нарушеній долга службы артикулъ воинскій относитъ: 1) *побѣгъ къ непріятелю* (арт. 99), 2) *бѣгство цѣлыхъ частей съ поля сраженія* (арт. 97), 3) *побѣгъ съ поля сраженія* (94), 4) *побѣгъ изъ службы* рекрута или молодаго

---

[1]) О происхожденіи и порядкѣ составленія артикула—въ моемъ трудѣ „артикулъ воинскій", вып. 1 и 2.

[2]) Артикулъ, процессы и экзерциціи были изданы въ 12 долю и въ томъ же 1715 г. разосланы для руководства въ войска. Книжки эти раздавались на руки не только начальникамъ частей, но и офицерамъ.

солдата и старо-служащаго, прослужившаго болѣе года (арт. 95 въ исправленной редакціи по закону 1717 г. I полн. собр. закон. V, № 3134) и 5) *употребленіе незаконныхъ средствъ* съ цѣлью отдѣлаться отъ службы (членовредительство) или съ цѣлью полученія отставки (арт. 63, 69, 71, 73, 75).

Ко второй категоріи уклоненій отъ службы въ артикулѣ воинскомъ относятся: 1) *самовольная отлучка изъ лагеря* („изъ обозу") или изъ своего поста за полученіемъ жалованья или расчета (арт. 64), 2) *самовольная отлучка*: а) *изъ квартиръ* въ ночное время (арт. 88) и б) *изъ лагеря* „обозу" за добычею (арт. 93), 3) *самовольная отлучка изъ строя*, соединенная съ сопротивленіемъ (арт. 79). Къ этой же категоріи преступленій слѣдуетъ отнести: 4) несвоевременную явку въ строй послѣ подъема части на походѣ (арт. 77), 5) опаздываніе къ сбору на походѣ (арт. 76); 6) неявку на смотръ (арт. 60) и 7) неявку въ срокъ изъ отпуска (арт. 100).

Артикулъ воинскій, предусматривая разнообразные виды уклоненія отъ службы, принимаетъ во вниманіе обстоятельства мирнаго и военнаго времени, состояніе субъекта (безуміе, молодость на службѣ) и въ извѣстныхъ случаяхъ даетъ право военному судьѣ опредѣлять свое рѣшеніе, соображаясь съ тѣми условіями и обстоятельствами, которыми сопровождалось данное преступленіе.

Густавъ Адольфъ отличалъ бѣжавшихъ съ поля сраженія (Feldflüchtige) отъ самовольно-отлучившихся съ какимъ либо дурнымъ намѣреніемъ. Въ артикулѣ воинскомъ, въ главѣ XII, имѣются въ виду исключительно побѣги изъ войскъ, а въ главахъ X и XI и другихъ статьяхъ—самовольныя отлучки и соотвѣтственныя имъ дѣянія, съ цѣлью уклониться отъ службы, причемъ предполагается опредѣленное намѣреніе, указанное въ самомъ текстѣ закона. Какъ и въ прусскомъ военномъ артикулѣ, въ главѣ XII артикула предусматриваются преступленія какъ въ мирное, такъ и въ военное время, какъ солдатъ, такъ и рекрутъ. На самовольную отлучку солдата съ древнѣйшихъ временъ смотрѣли какъ на

средство для совершенія преступныхъ дѣяній, гдѣ либо въ сторонѣ отъ своей команды, т. е. предусматривалось не одно нарушеніе долга службы, но и намѣреніе совершить, что либо дурное, опасное, гибельное. Въ началѣ XVIII вѣка наказанія за самовольную отлучку въ извѣстныхъ случаяхъ, въ военное время, были столь же суровы, какъ и за побѣгъ; они ограничивались однако дисциплинарнымъ взысканіемъ (у шведовъ—арестъ въ желѣзахъ, у насъ—заключеніемъ въ желѣза или инымъ наказаніемъ), если въ отлучкѣ не предусматривалось дурнаго намѣренія, злой воли, т. е. когда отлучка безъ разрѣшенія начальника на влекла дурныхъ послѣдствій для службы и дисциплины.

Въ побѣгѣ законодатели начала XVIII стол. видѣли измѣну своему долгу, измѣну своему знамени, войску, государству; здѣсь злой умыселъ—въ самомъ фактѣ отлучки; побѣгомъ не только нарушается въ основаніи принципъ повиновенія власти (что свойственно и самовольной отлучкѣ изъ команды), но отрицается и самый принципъ, отвергается власть; притомъ дезертиръ, разстраивая служебный порядокъ и нанося ущербъ казнѣ, обращается въ тайнаго или открытаго врага общества, становится бродягою, увеличиваетъ элементы, враждебные государственному порядку.

Что же касается до прочихъ видовъ уклоненіи отъ службы, предусматриваемыхъ въ артикулѣ воинскомъ: неявки на смотръ въ назначенное время, неявки изъ отпуска въ опредѣленный срокъ, членовредительства, притворной болѣзни съ цѣлью отдѣлаться временно или навсегда отъ службы, то этого ради правонарушенія наказывались весьма сурово, когда предполагались злой умыселъ и дѣйствіе во вредъ интересамъ государственнымъ или военнымъ. За неявку на смотръ (въ уреченное время) опредѣлялось наказаніе какъ за бунтъ, „яко бунтовщику“ (арт. 60), за членовредительство, сочиненіе мнимой болѣзни и намѣренную порчу лошади (хотя бы и собственной), съ цѣлью получить увольненіе ото службы или не принимать участія въ походѣ—вырѣзываніе ноздрей и ссылка на каторгу (какъ и за побѣгъ) (арт. 62), или *жестокое наказаніе* (арт. 80).

Артикулъ воинскій своими юридическими опредѣленіями, пополняя пробѣлы соборнаго уложенія, стремится подвести подъ опредѣленную классификацію разнообразные виды уклоненія отъ военной службы, свойственные войскамъ регулярнымъ, въ первое время послѣ ихъ устройства столько же, сколько войскамъ наемнымъ на западѣ и помѣстнымъ въ Россіи.

Артикулъ воинскій, въ толкованіяхъ, рекомендуетъ судьямъ имѣть въ виду обстоятельства, уменьшающія или же увеличивающія вину. Къ первымъ относятся: кратковременная служба, раскаяніе или добровольное возвращеніе изъ бѣговъ, законныя причины несвоевременной явки на службу, глупость или безумство, мирное время. Къ обстоятельствамъ увеличивающимъ вину онъ относитъ: вторичный побѣгъ со службы (арт. 95 въ исправленной редакціи по закону 20 декабря 1717 г., I п. с. з., V № 3134), или побѣгъ послѣ добровольной явки (арт. 96, дополненный 13 іюня 1720 г., I п. с. з., VI. № 3599). Продолжительность времени отсутствія отъ команды въ самовольной отлучкѣ не имѣетъ рѣшительнаго вліянія на мѣру наказанія, точно также какъ и въ побѣгѣ сносъ оружія и казенныхъ вещей не служитъ обстоятельствомъ увеличивающимъ вину. Въ самовольной отлучкѣ мѣра наказанія находится въ прямой зависимости отъ злаго умысла, отъ обстоятельствъ, отъ той обстановки, въ которой произошла отлучка безъ разрѣшенія начальника. Въ побѣгѣ или безусловномъ оставленіи свой части важно не то, что солдатъ уноситъ съ собою казенную вещь, иногда по необходимости, а собственно то, что уходя, онъ измѣняетъ долгу службы, обезсиливаетъ армію, заставляетъ общество нести новыя жертвы.

За побѣгъ нѣсколькихъ лицъ по общему *соглашенію*, въ артикулѣ не установлено опредѣленнаго наказанія, а сказано только: „такожде когда многіе умыслятъ къ непріятелю перебѣжать, а дѣйствительно того не учинятъ, оные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ живота лишены бываютъ“ (арт. 99, толк.). Въ шведскомъ кодексѣ и другихъ иностранныхъ законахъ,

подговорщики или *подстрекатели* къ побѣгу наказывались наравнѣ съ дезертирами, т. е. повѣшеніемъ, а прочіе—шпицрутенами.

За *укрывательство* и *пособничество* къ побѣгу въ артикулѣ также не установлено наказанія. Въ толкованіи на арт. 95 упоминается, однако, что таковые *достойны жестокаго наказанія*; причемъ на судью возлагается обязанность тщательно розыскивать „укрывателей", а затѣмъ наказаніе опредѣлялось надлежащаею гражданскаго властью. Изъ ряда указовъ, относящихся къ періоду Сѣверной войны, видимъ, что къ укрывателямъ примѣнялись разнообразныя наказанія, смотря по обстоятельствамъ; иногда ихъ наказывали какъ за измѣну—колесованіемъ, или наравнѣ съ дезертирами (по арт. 95), или же конфискаціею имущества, разореніемъ или лишеніемъ чина и имѣнія, или, наконецъ, укрывателя просто облагали денежнымъ штрафомъ, какъ и поручители.

Бѣглые солдаты, матросы, рекруты, какъ обнаружилось въ 1717 и 1718 годахъ, (т. е. уже послѣ изданія артикула воинскаго), составляли особенно опасный элементъ въ обновляемомъ Петромъ Великимъ государствѣ. Открылось много „разбойничьихъ" притоновъ, которымъ покровительствовали нѣкоторые помѣщики, монастыри и священнослужители. Петръ I старался ослабить зло это посредствомъ прощенія вины добровольно являвшимся къ опредѣленному сроку, возобновлялъ отсрочки мѣсяцами, а иногда на цѣлые годы. Но добровольно возвращалось изъ бѣговъ сравнительно немного. Между тѣмъ, въ 1719 году, во многихъ мѣстахъ разбойничьи шайки, составленные почти исключительно изъ бѣглыхъ, обнаружили враждебныя дѣйствія [1]). Рекруты продолжали бѣ-

[1]) Нужно замѣтить, что разбои и грабежи поддерживались главнымъ образомъ уклоняющимися отъ военной службы. Въ 1702 г. была назначена рота для поимки знаменитыхъ разбойниковъ, *помѣщиковъ*: Захара Полозова, Никифора Сытина, Петра Синяшина, Ивана Сологубова, Никиту Жданова, Василія Полозова-Кулю, Ивана и Данилу Захаровыхъ, Семена да Петра Шишкиныхъ. Они разбойничали въ галицкомъ и костромскомъ уѣздахъ съ своими людьми, нападали на деревни, убивали мужчинъ, насиловали женщинъ, огнемъ жгли", Соловьевъ, XV, 103.

гать вслѣдствіе крайне дурнаго обращенія съ ними и дурнаго содержанія: „когда въ губерніяхъ рекрутъ сберутъ, то сначала изъ домовъ ведутъ скованныхъ и, приведши въ города, держать въ великой тѣснотѣ, по тюрмамъ и острогамъ не малое время, и такимъ образомъ еще на мѣстѣ изнуривъ. отправятъ, не разсуждая по числу людей и дальности пути съ однимъ и то негоднымъ офицеромъ или дворяниномъ, при, недостаточномъ пропитаніи". Рекрутъ водили въ ненастное время, жестокою распутицей, оттого происходили болѣзни и побѣги, бѣглые рекруты приставали къ воровскимъ партіямъ. „изъ сего злѣйшее государству приключается разореніе, потому что отъ такого худаго распорядка ни крестьяне, ни солдаты, но разорители государства становятся; всякій можетъ разсудить, отчего такія великія умножились воровскія вооруженныя компаніи?—отъ того, что бѣглые обращаются въ разбойниковъ".

Бѣглые драгуны, солдаты и рекруты изъ бѣговъ возвращались неохотно, не взирая на обѣщаніе милосердія, потому что ихъ привлекали къ розыску, къ слѣдствію, которое само по себѣ было тяжкимъ наказаніемъ. На розыскѣ каждый долженъ былъ объяснить о томъ, гдѣ, у кого и сколько времени проживалъ со времени побѣга; не совершилъ ли другаго преступленія, съ кѣмъ бѣжалъ, кто подговаривалъ и т. п. Во время производства розыска бѣглыхъ держали подъ арестомъ, показанія и оговоры каждаго дезертира повѣряли справками, которыя при тогдашнемъ порядкѣ письменнаго производства, когда требовалось дѣлать сношенія черезъ сенатъ, затягивались на цѣлые годы. Дѣло нерѣдко доходило допытокъ. Многіе изъ дезертировъ, изъ опасенія выдать тѣхъ, которые ихъ скрывали, и зная что укрывателей можетъ постигнуть весьма строгое наказаніе, предпочитали приставать къ воровскимъ притонамъ. О томъ же, что такое былъ допросъ съ пристрастіемъ, съ обрядами пытокъ, даетъ достаточное понятіе г. Семевскій въ своихъ очеркахъ

---

[1]) „Переходъ Россіи къ регуляр. арміи", разд. I „арт. воинск.", цит. 237.

и разсказахъ изъ исторіи XVIII вѣка по вершенымъ дѣламъ розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи.

Неистовства разбойниковъ, состоявшихъ большею частью изъ бѣглыхъ солдатъ, вызывали суровое возмездіе со стороны Петра I. Разбойничьимъ притонамъ благопріятствовали не одни географическія условія страны. Разбойники и грабители не рѣдко наводили страхъ и ужасъ на цѣлые уѣзды: они нападали на селенія и днемъ и ночью, грабили, убивали людей, безчестили женъ. На неистовства разбойниковъ въ нынѣшней костромской губерніи, въ клинскомъ, волоцкомъ и можайскомъ уѣздахъ жители жаловались Петру въ 1710 г. Но то были единичные случаи.

Въ 1719 г. въ военной коллегіи получены были донесенія, что въ московской губерніи воровскія и разбойничьи шайки, состоявшія большею частью изъ бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ, ходятъ въ числѣ 100 и 200 человѣкъ. Около Венева, Тулы, Оболенска, скрывалось человѣкъ по 500 или по 600. Петръ I нашелъ необходимымъ предписать военной коллегіи, чтобы она снарядила военныя команды съ офицерами для искорененія бѣглыхъ нижнихъ чиновъ, воровъ и разбойниковъ, пристанодержателей. Начальникамъ войскъ князю Трубецкому, Репнину, Шувалову, Бону, Роланду указомъ 30 октября 1719 года предписано разослать военныя команды во *всѣ губерніи* для наказанія бѣглыхъ, также воровъ и разбойниковъ и пристанодержателей *всякаго чина людей*, не исключая и лицъ духовнаго званія, „которые давали убѣжище бѣглымъ въ монастыряхъ, пустыняхъ и въ приходскихъ церквахъ, скрывая ихъ подъ именемъ бурлаковъ или казаковъ, ханжей и трудниковъ“.

Замѣчательно, что военнымъ партіямъ вмѣнялось въ обязанность розыскивать уклоняющихся отъ посѣщенія церкви, „понеже и такіе за недобрыхъ людей почитаются, которые отъ христіанскаго собранія удаляются“. Гдѣ же было духовенство? Часть его принадлежала къ сторонникамъ, враждебно относившимся къ преобразованіямъ Петра I.

Въ инструкціи, данной офицерамъ военныхъ командъ

(въ декабрѣ 1719 г.), предписывалось между прочимъ: съ вооруженными партіями вступать въ бои, стараться открывать станицы, притоны воровъ, склады пожитковъ и т. д.; главнѣйшихъ воровъ и разбойниковъ, а особливо смертоубійцъ и мучителей, *вѣшать за ребра*, а иныхъ *колесовать*; дезертировъ, бывшихъ въ числѣ разбойниковъ, *колесовать*, прочихъ наказывать по артикулу, а добровольно являющихся отсылать въ военную коллегію; помѣщиковъ-пристанодержателей *вѣшать*; тѣхъ прикащиковъ и старостъ, которые давали пристанище, колесовать, а тѣхъ, которые знали о существованіи притоновъ, но не открывали, бить кнутомъ *безъ всякой пощады*.

Со дня обнародованія указа 30 октября дезертиры считались изверженными изъ числа Его Царскаго Величества вѣрныхъ подданныхъ, какъ воры и разбойники: „понеже тѣ бѣглые честнаго солдатскаго имени нарицать не могутъ". За приводъ каждаго бѣглаго обѣщано 5 руб. вознагражденія, (въ Пруссіи по 5 талеровъ), а доносителю, открывшему притонъ, обѣщано отдать все движимое и недвижимое имѣніе, хотя бы слуга доносилъ на своего господина. Духовныя лица (по изверженіи ихъ изъ духовнаго сана черезъ церковный судъ), предавались въ суды гражданскіе.

Въ распоряженіяхъ Петра I для преслѣдованія и поимки дезертировъ открытою силою, мы видимъ прямое вліяніе прусскаго эдикта 1713 года, возобновленнаго въ 1718 году. Но выполнить такую задачу военнымъ командамъ въ Россіи было гораздо труднѣе, чѣмъ въ Пруссіи. Тамъ на сторонѣ короля было духовенство, тамъ географическія условія несравненно болѣе благопріятствовали для борьбы правительства съ враждебными государству притонами. Черезъ два года Петръ Великій убѣдился въ безплодности достигнуть своей цѣли посредствомъ одной грубой силы. Послѣ заключенія ништадтскаго мира онъ постоянно обращался къ амнистіи; генераль-

[2]) I Полн. собр. зак. V, № 3445, 3477. См. „Бѣглые и дезертиры" въ нашемъ трудѣ „Арт. воин.", вып. 2, гл. XII. Интересно сравнить редакцію этихъ документовъ съ редакціею прусскихъ эдиктовъ 1713 и 1718 годовъ.

ное прощеніе бѣглымъ съ вызовомъ таковыхъ изъ за границы, стало въ концѣ его царствованія, господствующимъ средствомъ для борьбы съ упорствомъ закоснѣлыхъ дезертировъ, пристанодержателей и ихъ укрывателей.

Новые побѣги изъ арміи однако не прекращались и послѣ заключенія мира, вслѣдствіе дурнаго управленія и содержанія войскъ, расположенныхъ на постоянныхъ квартирахъ. Въ военной и адмиралтейской коллегіяхъ за многіе годы были въ недосылкѣ деньги на содержаніе сухопутнаго войска и флота. Въ концѣ царствованія Петра имѣлось до 320 тысячъ человѣкъ въ арміи, не считая инородцевъ, да во флотѣ до 22 тысячъ людей на 48 линейныхъ корабляхъ и на 787 галерахъ. Число войскъ возрастало въ пропорціи, несоотвѣтствовавшей съ средствами государства. Въ началѣ Сѣверной войны у Петра регулярныхъ войскъ было менѣе 60 тысячъ, въ 1706 г., послѣ сформированія арміи подъ Полоцкомъ и устройства главнаго и полковыхъ штабовъ, считалось, по свѣдѣніямъ Витворта, до 100 тысячъ человѣкъ, кромѣ казаковъ, и болѣе этого числа русскій царь въ то время не могъ содержать; въ 1712 году, послѣ учрежденія сената и кригсъ-коммисаріата, по штатамъ и табелямъ — въ пѣхотѣ, кавалеріи, артиллеріи и гарнизонныхъ полкахъ числилось до 175 тысячъ человѣкъ, 10000 обозныхъ лошадей и до 43000 кавалерійскихъ лошадей и на содержаніе этихъ войскъ требовалось въ сложности на жалованье, порціоны и раціоны до 4 милліоновъ рублей. Въ 1725 г. доходы простирались отъ 8 до 10 милліоновъ руб. Денегъ на содержаніе регулярной арміи и флота не доставало; при неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи государства, невысокомъ нравственномъ уровнѣ всѣхъ слоевъ общества, поставлявшихъ для арміи начальниковъ и офицеровъ, являлась необходимость въ радикальныхъ мѣрахъ. Вслѣдствіе быстраго роста могущества обновленной Россіи, образовалось множество дурныхъ осадковъ, которые останавливали развитіе ея могущества и препятствовали осуществленію плановъ военнаго преобразователя по довершенію *начатаго* государственнаго устройства.

Въ системѣ военнаго хозяйства замѣчаемъ *недовѣріе* преобразователя къ добросовѣстному управленію полковниковъ своими частями; отсюда желаніе Петра Великаго ввести *гласность* въ расходахъ полками денегъ, назначаемыхъ на содержаніе солдата, и *контроль* надъ правильностью расходовъ. Въ этихъ видахъ: 1) установлены смотры коммисаровъ, періодическіе и внезапные; 2) фискаламъ предоставлено право доносить своему начальству о преступленіяхъ по должности офицеровъ и начальниковъ, о незаконныхъ расходахъ въ ущербъ казеннаго интереса; 3) пріемъ и расходованіе денегъ, покупка и пріемъ вещей, наблюденіе за исправностью одежды—совершались всѣмъ обществомъ офицеровъ, за ихъ круговою порукою и отвѣтственностью, въ случаѣ безпорядка въ хозяйствѣ, по приговору нижняго или верхняго военнаго суда, причемъ фискалы являлись обличителями и получали за доносы опредѣленное вознагражденіе.

Какъ извѣстно, фискалы не оправдали ожиданій Петра I. При расположеніи по деревнямъ полковникамъ предоставлена была обширная власть (см. плакатъ 1724 г. и инструкція полковнику), нижніе, т. е. полковые суды имъ вполнѣ подчинялись и они управляли дѣлопроизводствомъ по своему усмотрѣнію, черезъ аудиторовъ, ставшихъ послушныхъ ихъ орудіемъ съ тѣхъ поръ, какъ второй президентъ военной коллегіи Вейде, въ составленныхъ новыхъ штатахъ, отнесъ ихъ, по образцу Пруссіи, къ унтеръ-штабу и ограничилъ ихъ преимущества. Между офицерами и нижними чинами существовала глубокая рознь. На практикѣ военное судопроизводство, въ сущности инквизиціонное, отдѣлилось отъ духа артикула воинскаго, построеннаго по старо-шведской системѣ гдѣ законодатель имѣлъ въ виду гласное военное судопроизводство и зависимость судей лишь отъ высшаго центральнаго органа, а не отъ командировъ частей.

Ив. Посошковъ въ своихъ мемуарахъ „о скудости и богатствѣ“, писанныхъ въ 1724 году, въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ состояніе войскъ, расположенныхъ на квартирахъ по деревнямъ: „Обаче надобно служивой людъ бе-

речи, чтобы имъ нужда ни хлѣбная, ни одежная не касалася. Зело отъ нихъ слышно, еже къ нимъ на мѣсяцъ и по десяти алтынъ не приходитъ; то чемъ ему пропиматися, гдѣ ему взять шубы и иныя потребности, и харчу на что ему купить? и въ таковой скудости будучи, какъ ему не своровать и какъ ему изъ службы не бѣжать? Нужда пригонитъ къ побѣгу, а иной и измѣнить будетъ готовъ". (Соч. *Ив. Посошкова*, стр. 40—41).

У солдата положено было вычитать за мундирную одежду мѣсячное жалованье: „жалованья ему на мѣсяцъ учинено только тридцать алтынъ, а за вычетомъ только дается ему десять алтынъ или меньше; и изъ такого малаго жалованья, чѣмъ ему шуба и шапка, и рукавицы и чулки или онучи купить?" Наказывать смертью или клеймить бѣглыхъ драгунъ и солдатъ, по мнѣнію Посошкова, слѣдуетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они бросали службу при хорошемъ довольствіи и выдачѣ полнаго оклада безъ всякихъ вычетовъ; если же солдатъ бѣжалъ вслѣдствіе безпорядка въ содержаніи и отъ обиды офицера, то слѣдуетъ наказать такого офицера, а солдата не клеймить: „за такимъ знакомъ никто его во дворъ не пуститъ, и ни къ какой работѣ его нигдѣ не пріимутъ".

Обращаясь къ судамъ, Посошковъ говоритъ, что солдатъ и драгунъ сильно обижаютъ офицеры, и на нихъ нѣтъ управы въ судахъ: „военный судъ аще и жестоко учиненъ, да и жестоко доступать его . . . . и военный человѣкъ не на равнаго себѣ не скоро судъ сыщетъ". Артикулъ и царскіе указы не соблюдаются (отъ чего происходятъ безчинства, грабежи, нарушеніе дисциплины); офицеры, встрѣчая въ военныхъ судахъ снисхожденіе, не находятся въ послушаніи у начальниковъ. . . . Въ судѣ офицеры не промѣняютъ своего брата на солдата, по старой пословицѣ „еже воронъ ворону глаза не выклюнетъ". Судъ долженъ быть нелицепріятный, чтобы всѣхъ одинаково судить.

Иноземное военное законодательство, расчитанное на благоустройство государственной администраціи, долго, очень долго, должно было вести борьбу съ укоренившимися обы-

чаями и предразсудками, которые оказываются крѣпче законовъ писанныхъ, утвержденныхъ верховною властью.

Для прекращенія побѣговъ изъ войскъ и флота требовалось не одно только матеріальное улучшеніе солдата. Но при тогдашнемъ положеніи русскаго общества, призваннаго къ отправленію обязанностей администраціи и суда въ государствѣ, являлась необходимость въ такихъ радикальныхъ мѣрахъ, для которыхъ у Петра Великаго не доставало ни времени, ни средствъ, ни людей. Ему не удалось довершить *начатаго* государственнаго устройства. Дурные осадки, проникшіе въ войско, мутили духъ преобразователя и мучили его физически и нравственно: и онъ умеръ не довершивъ начатаго. Послѣ его кончины безплодная борьба съ дезертирами и укрывателями продолжалась многіе десятки лѣтъ, дополняемая новыми законами.

Артикулъ воинскій, указы военной коллегіи и дѣла военно - судныя, въ началѣ настоящаго столѣтія составили обширный военно - юридическій матеріалъ, въ которомъ трудно было разобраться. Полевое уголовное уложеніе 1812 года (по кодексу Наполеона I), внесло въ наши военные законы новыя опредѣленія; постановленія этого уложенія о побѣгахъ и самовольныхъ отлучкахъ отличаются едва ли не большею строгостью, чѣмъ соотвѣтственные законы въ артикулѣ воинскомъ, и послѣдній сохраненъ былъ для мирнаго времени. Императоръ Николай, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, призналъ нужнымъ привести въ порядокъ военно-уголовные и военно-полицейскіе законы. Постой войскъ на квартирахъ у обывателей не отличался однако строгимъ порядкомъ и законностью. Бытъ арміи мало измѣнился. Побѣги солдатъ и уклоненіе отъ военной службы рекрутъ продолжали составлять одно изъ наиболѣе распространенныхъ воинскихъ преступленій; дезертиры разстраивали личный составъ войска и, скрываясь отъ преслѣдованія, бродяжничали. Бѣглые уходили въ Турцію, въ Персію, къ горцамъ и даже въ государства западной Европы. Въ *мирное время* дезертировъ наказывали по артикулу шпицрутенами, почти также же-

стоко, какъ и въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго. Въ *военное время* наказанія за уклоненія отъ службы опредѣлялись согласно полеваго-уголовному уложенію 1812 г., а въ немъ изчезаетъ различіе между самовольной отлучкой и побѣгомъ.

Законы о самовольныхъ отлучкахъ и побѣгахъ въ военно-уголовномъ уставѣ 1838 г. располагаются въ двухъ частяхъ: 1) побѣги и самовольныя отлучки изъ полковъ и командъ (кн. I разд. II, гл. IV ст. 246—271) и 2) о побѣгахъ къ непріятелю изъ арміи, о побѣгѣ и отлучкѣ съ мѣста сраженія и о побѣгахъ и отлучкахъ изъ арміи вообще (кн. I разд. III гл. II, ст. 569—593). Впослѣдствіи, въ 1846 году, для отличія побѣга отъ самовольной отлучки въ *мирное время*, введенъ новый признакъ—продолжительность отсутствія изъ команды, что мы и видимъ во 2-мъ изданіи военно-уголовнаго устава (1855 г.). „Въ мирное время отсутствіе нижнихъ чиновъ отъ своей команды *до трехъ сутокъ* считается отлучкою, отсутствіе же *болѣе трехъ сутокъ* признается *побѣгомъ*“ (ст. 243). Для офицеровъ же былъ принятъ въ соображеніе другой періодъ времени. Далѣе—просрочка отпуска офицеромъ свыше 4-хъ мѣсяцевъ означала *побѣгъ*, а для нижнихъ чиновъ всякая неявка въ срокъ была побѣгомъ. Офицеры за побѣгъ подвергались разжалованію или исключенію изъ службы, нижніе чины изъ дворянъ и сословій, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній—лишенію правъ состоянія съ назначеніемъ въ солдаты, а прочіе нижніе чины наказывались *шпицрутенами* и, притомъ, жестоко; такъ, за неоднократный побѣгъ назначалось *прогнаніе сквозь тысячу человѣкъ по нѣсколько разъ*, съ обращеніемъ въ арестантскія роты, срокомъ отъ 3 до 10 лѣтъ. Добровольное возвращеніе изъ побѣга не уменьшало наказанія (кромѣ особыхъ случаевъ, поименованныхъ въ законѣ). Рекруты за побѣгъ наказывались меньшимъ числомъ ударовъ шпицрутенъ, чѣмъ солдаты. Укрывателямъ бѣглыхъ не было опредѣлено наказанія.

Въ *военное время* предусматривалось наказаніе смертью *десятаго по жребію*, а равно старшихъ въ чинѣ *зачинщиковъ*

заговора къ побѣгу въ непріятельскую армію; за побѣгъ къ непріятелю вообще или за побѣгъ или отлучку съ мѣста сраженія, за побѣгъ (и отлучку) съ поста въ виду непріятеля и за подговоръ къ такому побѣгу—опредѣлялась смертная казнь, а за побѣгъ съ поста не въ виду непріятеля—прогнаніе сквозь строй. За побѣгъ и отлучку съ театра военныхъ дѣйствій наказанія уменьшались (заточеніе въ крѣпости, гражданская смерть для офицеровъ). Пособники и укрыватели бѣглыхъ, а равно знавшіе о намѣреніи къ побѣгу, подвергались одинаковому наказанію съ бѣжавшими.

Для производства допроса и слѣдствія надъ дезертирами въ военно-уголовномъ уставѣ (кн. II разд. III) предложены были особыя административныя мѣры, составлявшіе развитіе толкованія къ арт. 95, гдѣ сказано: „зѣло потребно есть, чтобъ военный судъ. когда о дезертирахъ приговоръ учинить имѣетъ. подлинно розыскалъ, гдѣ и у кого онъ во время своей бытности жилъ“ и т. д.

Со времени учрежденія регулярныхъ войскъ, дѣлопроизводство въ войскахъ по поводу уклоненія отъ службы имѣло обширные размѣры и практика военныхъ судовъ, до послѣднихъ преобразованій въ быту русскихъ войскъ Императора Александра II, подготовила обширный матеріалъ не только для порядка производства слѣдствій особенно о дезертирахъ, число которыхъ было всегда значительнымъ въ нашей арміи, но и для развитія нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ составу преступленій объ уклоненіяхъ отъ службы вообще.

Для производства разслѣдованія о причинахъ и обстоятельствахъ побѣга изъ войскъ практика инквизиціоннаго процеса, которой слѣдовали наши военные суды со времени учрежденія регулярныхъ войскъ, въ концѣ XVII столѣтія въ Германіи установила слѣдующую казуистику:

1) *Причина побѣга*—Causam desertionis—недостаточное жалованье, принужденіе къ службѣ или обманъ при вербовкѣ (въ Пруссіи, во Франціи, въ Нидерландахъ, въ Австріи). Вездѣ въ Европѣ, рядомъ съ рекрутскимъ наборомъ или конскрип-

цiей, существовала вербовка; она была господствующимъ способомъ комплектованiя въ Пруссiи и Англiи.

2) *Обстоятельства побѣга*—Animum desertoris—пьянство, безумiе или другiя побужденiя, преднамѣренно или случайно: doloso proposito vel alio accidenti.

3) *Свойство субъекта*—Personam deliquentis- офицеръ или рядовой (нижнiй чинъ), опытный въ военной службѣ, или новобранецъ (новичекъ), какого былъ поведенiя и каковъ вообще по службѣ.

4) *Свойство преступленiя*—Qualitatem delicti—первый побѣгъ или же неоднократный, самъ ли бѣжалъ, или другiе къ тому побудили, уговорили и увлекли; со сносомъ одежды и оружiя или безъ сноса; куда бѣжалъ: къ непрiятелю или куда либо въ другое мѣсто; самъ ли возвратился или нѣтъ.

Нужно имѣть въ виду, что аудиторами въ русской армiи при Петрѣ Великомъ были преимущественно иноземцы, частью наемные саксонцы и пруссаки, частью же попавшiе въ плѣнъ шведы. Они то и установили у насъ процесуальную казуистику, руководясь наставленiями комментаторовъ и формами нашего процеса, составленнаго, какъ извѣстно, согласно съ обрядами саксонскаго военнаго судопроизводства, которое въ началѣ XVIII вѣка здѣсь и вообще въ Европѣ не отличалось отъ общаго.

Духъ постановленiй объ уклоненiяхъ отъ службы дѣйствующаго устава.

Послѣ восточной войны, окончившейся паденiемъ Севастополя, военный бытъ русскихъ войскъ существенно измѣнился подъ влiянiемъ чрезвычайно важныхъ преобразованiй, которыхъ перечислять здѣсь нѣтъ надобности: они хорошо извѣстно всякому. Реформы императора Александра II, обнявши всѣ стороны военнаго устройства въ государствѣ, еще такъ свѣжи и новы, что мы, современники, не можемъ оцѣнить безпристрастно ихъ влiянiя на дисциплину русской армiи. Замѣтимъ только, что освобожденiе крестьянъ

отъ крѣпостной зависимости, значительное сокращеніе сроковъ дѣйствительной службы солдатъ, смягченіе всей системы наказаній (вслѣдствіе ограниченія наказаній тѣлесныхъ и отмѣны наказанія шпицрутенами), призывъ къ отбыванію военной повинности всѣхъ классовъ народонаселенія, отмѣнившій прежній рекрутскій уставъ,—все это вмѣстѣ взятое, въ связи съ другими улучшеніями народнаго и военнаго быта, дало совершенно новое направленіе порядку внутренней службы въ войскахъ, возвысило значеніе офицера, подняло матеріальное благосостояніе солдата и повело къ перемѣнѣ отношеній между начальниками и подчиненными. Это мы видимъ прежде всего въ дисциплинарномъ уставѣ, который появился вслѣдъ за достопамятнымъ манифестомъ 17 апрѣля 1863 г., которымъ ограничивалось тѣлесное наказаніе и отмѣнялись шпицрутены, а затѣмъ въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ и въ уставѣ военно-судебномъ (св. воен. пост. кн. XXIII, XXII и XXIV), разработанныхъ сообразно съ общею реформою военно-судебной части въ государствѣ.

Легко понять изъ самаго хода преобразованій въ минувшее царствованіе, почему нынѣ дѣйствующій воинскій уставъ о наказаніяхъ, къ самовольнымъ отлучкамъ, побѣгамъ и неявкѣ къ службѣ относится съ тою же снисходительностью, съ какою онъ относится и къ другимъ воинскимъ преступленіямъ. Припомнимъ, что еще недавно, когда солдатъ обязанъ былъ служить 25 или 20 лѣтъ, на военное образованіе его истощались изысканные техническіе способы только для того, чтобы сдѣлать хорошаго солдата изъ неуклюжаго и косолапаго мужика, и это обученіе продолжалось многіе годы. Теперь изъ такого же мужика хорошій солдатъ становится годнымъ къ боевому дѣлу, ловкимъ солдатомъ и хорошимъ стрѣлкомъ, менѣе чѣмъ въ годъ. Тогда опредѣляемаго въ рекруты крестьянина приходилось помѣщику заковывать въ кандалы, и это дѣлалось на нашей памяти, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, для того, чтобы онъ не сбѣжалъ до сдачи въ рекрутское присутствіе. Но и кандалы не удерживали отъ побѣга. Нынѣ каждый, зная, что онъ чрезъ пять лѣтъ службы

отечеству возвратится на родину, въ свое село, въ свое общество, гдѣ останется въ прежнемъ гражданскомъ положеніи, идетъ охотно, свободно и съ полнымъ довѣріемъ къ военной службѣ. А эта надежда возвратиться въ свою семью, въ свой родной край, послѣ кратковременной службы, заставляетъ солдата свободно трудиться на службѣ, поддерживая постоянную связь съ родиною. Прежде отъ военной службы старались отдѣлываться преступленіями, особенно побѣгами, дезертирствомъ: бѣглые солдаты, скитаясь безъ паспорта, становились *бродягами*. Въ теченіи двухъ столѣтій, начиная со второй половины XVII вѣка, отечественная исторія знаетъ случаи, когда преступнымъ движеніемъ народныхъ массъ руководили бѣглые солдаты, бродяги, принимавшіе роль предводителей. Теперь же побѣги и самовольныя отлучки составляютъ въ нашей арміи мало замѣтное явленіе.

Не только въ прошломъ столѣтіи, но даже въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго вѣка побѣги составляли большое мѣсто русскихъ войскъ, считавшихся по своему благоустройству передовыми въ Европѣ; теперь, послѣ преобразованія Императора Александра II, побѣги и самовольныя отлучки во всей массѣ преступленій военнослужащихъ, (общихъ и воинскихъ), за которыя налагаются наказанія по опредѣленію полковыхъ и военно-окружныхъ судовъ, составляютъ не болѣе *шестой доли* (17%); во всѣхъ войскахъ: дѣйствующихъ, резервныхъ, мѣстныхъ, запасныхъ, со включеніемъ корпуса жандармовъ, частей вспомогательнаго назначенія, различныхъ управленій военнаго министерства, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго отчета военнаго министра:

	За 1881 г.	1882 г.	1883 г.
Всей арміи	—— 754,378 ч.	768,267 ч.	762,622 ч.
Обвинялось въ самовольной отлучкѣ (ст. 129), въ побѣгахъ первомъ, второмъ и третьемъ (ст. 130—131), въ подговорѣ			

и подстрекательствѣ къ побѣгу (ст. 139) и въ неявкѣ въ срокъ на службу (ст. 140) ——	3137 ч.	2980 ч.	2860 ч.
На сто человѣкъ арміи приходится осужденыхъ за вышеозначенныя преступленія по уклоненію отъ службы ——	0,42%	0,39%	0,37%.

Въ началѣ XVIII вѣка за простой побѣгъ въ мирное время рекруты и молодые солдаты наказывались *шпицрутенами,* за второй побѣгъ рекрутъ, а солдатъ, прослужившихъ болѣе года,—за первый побѣгъ *битьемъ кнутомъ* съ *вырѣзываніемъ ноздрей* и *ссылкою въ вѣчную работу на галеры*, за второй же побѣгъ—*повѣшеніемъ.*

Въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго вѣка за неоднократный побѣгъ опредѣлялось *прогнаніе сквозь тысячу человѣкъ по нѣсколько разъ* и обращеніе въ арестантскія роты срокомъ отъ 8 до 10 лѣтъ.

Въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ налагаются большею частью слѣдующія наказанія: за *самовольныя отлучки*—переводъ въ разрядъ штрафованныхъ и дисциплинарныя наказанія; *за первый побѣгъ*—большею частью одиночное заключеніе въ тюрьмѣ съ замѣною наказанія, *за второй побѣгъ*—отдача въ дисциплинарныя роты (бывшія военно-исправительныя) и *за третій побѣгъ*—ссылка въ Сибирь на поселеніе. Но осужденныхъ за третій побѣгъ и болѣе считается только 150 чел. въ годъ, что даетъ на всю армію одного изъ 5000 человѣкъ.

Эти данныя несомнѣнно свидѣтельствуютъ о высокомъ подъемѣ благоустройства русской арміи и даютъ право заключать, что военная дисциплина въ войскахъ выиграла отъ смягченія,—лучше сказать, отъ облагороженія системы наказаній, между прочимъ, и за уклоненіе отъ военной службы, въ мирное время, и что она, въ мирное время, твердо и строго охраняется военно-уголовными законами, разумно примѣняемыми при дѣйствующей системѣ *гласнаго* судопроизводства.

Не о томъ ли мечталъ и Петръ Великій, когда выправлялъ артикулъ воинскій?

Несравненно строже военно-уголовное законодательство должно относиться къ уклоненіямъ отъ службы въ военное время. Здѣсь юридическая санкція находится въ прямой зависимости отъ исключительныхъ обстоятельствъ и условій военнаго быта. Бѣгство съ поля сраженія, самовольное оставленіе своего знамени или поста въ виду непріятеля, побѣгъ изъ команды, вступившей на театръ военныхъ дѣйствій, неявка въ срокъ на службу къ части безъ уважительныхъ причинъ, и вообще всякое уклоненіе отъ службы, какъ и самовольная отлучка въ такое время, когда каждый воинъ. призванный къ знамени, на счету въ арміи, когда побѣгомъ или отлучкою нарушается данная клятва, разрушается внутренній порядокъ, когда убылое мѣсто нужно пополнить государству съ новыми жертвами народонаселенія и сдѣлать новыя денежныя затраты.—не могутъ не вызвать строгаго отношенія законодателя, въ виду тѣхъ громадныхъ жертвъ, какія въ настоящее время, при полумилліонной арміи, несетъ государственная казна на мобилизацію войскъ, на ихъ передвиженіе къ театру военныхъ дѣйствій, разсчитанному на точность и быстроту, свойственную часовому механизму, на содержаніе войскъ въ обширномъ раіонѣ театра военныхъ дѣйствій.

При такомъ взглядѣ на вооруженную силу въ государствѣ, нельзя, конечно, относиться снисходительно къ проявленію злой воли всякаго призываемаго къ военному знамени для защиты своего отечества или для поддержанія чести Россіи. Здѣсь всякій солдатъ долженъ быть всегда своевременно на своемъ мѣстѣ, на своемъ посту, и потому всякая непроизводительная, преступная убыль требуетъ строгой, рѣшительной кары. Здѣсь личный интересъ вполнѣ изчезаетъ во имя блага общественнаго и каждый гражданинъ, облеченный званіемъ воина, но уклоняющійся отъ своихъ обязательствъ, связанныхъ клятвою и честью, совершаетъ одно изъ наиболѣе постыдныхъ воинскихъ преступленій.

Если съ такой точки зрѣнія посмотримъ на опредѣленія дѣйствующаго устава, по вопросу о побѣгѣ и самовольной отлучкѣ отъ своей части (въ различныхъ формахъ, но съ преступнымъ умысломъ), то нельзя не признать неполноты дѣйствующихъ узаконеній и отсутствія юридической точности въ разграниченіи побѣга отъ самовольной отлучки.

Мы оканчиваемъ свой очеркъ тѣмъ же, чѣмъ начали. Изученіе исторіи военнаго права объясняетъ, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ „уклоненія отъ долга военной службы" всегда являлось: поднятіе до извѣстной высоты нравственнаго духа въ войскѣ и охраненіе военной дисциплины посредствомъ твердыхъ законовъ. Нарушеніе вѣрности своему знамени, какъ символу государственной крѣпости, было и будетъ наиболѣе постыднымъ воинскимъ преступленіемъ, постыднымъ потому, что оно позоритъ честь и доброе имя солдата. Въ объективной сторонѣ уклоненія отъ военной службы содержатся нераздѣльно два элемента, какъ атомы одного тѣла: 1) степень опасности содѣяннаго по отношенію къ дисциплинѣ и 2) степень причиняемаго зла войску, какъ части общественнаго организна, постоянно питающаго войска своими соками.

Что же касается до стороны субъективной, то въ преступникѣ, уличенномъ въ уклоненіи отъ обязанностей военной службы, какимъ бы дѣяніемъ оно ни выразилось, должно признавать безусловно значеніе степени духовнаго развитія: отъ человѣка болѣе образованнаго, болѣе просвѣщеннаго и, надо полагать, стоящаго выше другихъ по нравственному міровоззрѣнію, нужно требовать и болѣе сознательнаго пониманія значенія долга военной службы. Для солдата, а тѣмъ болѣе для офицера, честь службы—дороже жизни.

Объ изданіи въ 1886 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ Іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 и болѣе листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки .	**8** р.	съ пересылкой въ другіе города . .	**9** р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. .	**8** р. **50** к.	за-границей	**12** р.

отдѣльно книга журнала . . . . **2** р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города **13** р. **50** к.

Рѣшенія касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 3 р. съ касс. рѣш. 8 р. въ апрѣлѣ 3 р. и въ августѣ остальная до подписной цѣны сумма. Въ случаѣ невысылки въ условленный срокъ подписной платы, дальнѣйшая доставка журнала пріостанавливается. Гг. студенты университетовъ и кандидаты на судебныя должности, удостовѣрившіе свое званіе, пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к.

Подписка принимается: въ конторахъ Журнала—при книжныхъ магазинахъ *Анисимова*: въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Публичною Библіотекою и въ Москвѣ, на Никольской улицѣ.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Оставшіеся (въ количествѣ десяти комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1880 (въ одномъ экземплярѣ безъ 4-й книги) 1881, 1883, 1884 и 1885 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

Редакторъ **В. Володиміровъ**.

Цѣна 50 коп.

Нижеслѣдующіе труды автора по исторіи военнаго законодательства имѣются въ продажѣ въ магазинахъ **о. Березовскаго** (Колокольная, д. № 14) и **Новаго Времени** (Невскій, д. № 38).

Періодъ преобразованій Петра Великаго (Начало коллегіальныхъ военныхъ судовъ). Стр. VII, 166. С.-п.-б. 1881 г. цѣна **1 руб. 25 коп.**

Состояніе военнаго права въ западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ. Стр. IV, III, 167—464. С.-п. б. 1881 г. цѣна **2 руб.**

Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ, съ объясненіемъ историческихъ причинъ перехода къ устройству регулярныхъ войскъ). **Артикулъ Воинскій.** Вып. 1-й стр. IV, XVI, 296. С.-п.-б. 1882 г. цѣна **2 руб.**

Артикулъ Воинскій. Вып. 2-й стр. XXXIV, II, 770 С.-п.-б. 1886 г. цѣна **4 руб.**

Цѣны означены безъ пересылки.

2007050208